

P 1 (с 132)

С 28

Марья Стъверная.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

Насильно милъ не будешь.

Филюшка—сынокъ.

Т У Л А.

Типогр. Соколова и Фортунатова, Кіевск. ул., д. Козловыхъ.
1896.

K 13981

~~33328~~ 13981

24875

33.7

Тип

Ф

С

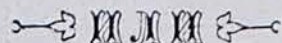
X

№ 18 (с. 132)

ска

с 28

ФИЛЮШКА СЫНОКЪ

ДЕНЕЖКИ НЕ РОДНЯ.

С Ц Е Н К И

ВЪ 3-хъ дѣйствіяхъ.

М. Стѣвеной.

Т У Л А.

Тип. Соколова и Фортунатова, Кіевск. ул., д. Козловыхъ.
1895.

33328/73981

24875

Дозволено цензурой. Москва 7 іюля 1895 года

Е
вѣд
рот
пер
Д
А
род
Д
ф
вып
Т
как
Д
юр
У
Д
пра
Д
Д
Д
(Д

ФИЛЮШКА СЫНОВЪ

ИЛИ

ДЕНЕЖКИ НЕ РОДНЯ.

СЦЕНКИ

ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

— . — . —

Дѣйствующія лица:

Федосья, старуха лѣтъ 60-ти, съ наружностью вѣдьмы. Всклокоченные сѣдые волосы, беззубый ротъ, костлявая, небольшая фигура. Ходитъ, еле передвигая ноги, опираясь на клюку.

Петръ, осанистый мужикъ.

Архипъ, замухрышко съ козлиной бородой.

Алешка, ражій парень, лѣтъ 25.

Филька, забубенная головушка, вѣчно выпивши, съ гармоніей въ рукахъ, лѣтъ 20-ти.

Татьяна, жена Петра, важная, осанистая, какъ и самъ Петръ.

Акулька, жена Архипа, рябая, курносая, юркая бабенка.

Уляшка, молоденькая молодка, жена Алексѣя.

Андрей, — кузнецъ, отецъ Уляшки, объ одной правой рукѣ.

Кумъ.

Кума.

Народъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ средней полосѣ Россіи).

Сыновья Федосьи.

года

Д ѣ й с т в і е 1-ое.

(Сцена представляет такъ называемую пуньку, т. е. маленькую горенку, гдѣ живутъ молодые. Прямо противъ зрителей дверь, ведущая на дворъ. По правой сторонѣ лавка подъ окномъ, въ углу у двери молодкинъ сундукъ. По лѣвой сторонѣ еще лавка и кровать. Стѣны выбѣлены и оклеены лубочными картинками, надъ сундукомъ зеркало).

Явленіе 1-ое.

Уляшка, (одна выглядывая въ окно и дверь). Кажись, никакого ни на дворѣ, ни на улицѣ! Да я къ окошечку сяду, какъ чуть что—сичасъ въ пазуху спрячу. Алеша въ городѣ, барина какого-то повезъ, когда еще вернется, деверья небось спать завалились, а невѣстки въ амбарѣ судачать. Ну, а матушка небось съ батюшкой грызется! (Садится и вынимаетъ изъ кармана шитье). Авось рубчикъ сослону. (Шьетъ, напѣвая).

„Сизый голубъ воду пилъ,

„Воду пилъ, воду пилъ.

„Онъ не выпилъ, возмутилъ,

„Возмутилъ, возмутилъ“.

(Разсматриваетъ свое шитье). Господи, какіе рукавишки махонькіе. А вороточекъ-то, на два пальчика пронимала! (Задумывается, потомъ продолжаетъ пѣть).

„Парень дѣвкѣ говорилъ,

„Говорилъ, говорилъ.

„Ой быть тебѣ дѣвушка

„Не за старымъ, за сѣдымъ!“

(*Вздыхнувъ*). То то ей голубушкѣ видно тошно было: съ милымъ стоитъ, объ постыломъ говоритъ. То-то чай грустно. Ни отвѣту, ни привѣту. Извѣстно, старый! Не то что мой: милъ, бѣлъ, кудрявъ. Такъ все сердечушко всполыхнетъ, какъ его шутку вспомнишь! Ужъ и былъ бы тебѣ отчаянный! (*Улыбается*). Вотъ и отчаянный. а не догадывается! Гдѣ ему, глупенькому! Эхъ! одѣяльце бы собрать надо, да гдѣ его стегать станешь! Все на народѣ. Не рубашонка, за пазуху не спрячешь. (*Проходитъ важно по горницѣ*.) Какъ возьму на рученьки, да выйду на улицу—краше моего ни у одной молодки не будетъ. Всѣ скажутъ: „Чей такой? Чей такой,“? (*Смѣется*). Весь въ батю будетъ. Крестить позовемъ тетушку Θεону. Она одна только и знаетъ. И стыдно мнѣ было, и совѣстно, да не стерпѣла. Какъ гостила у ней на прошлой недѣлѣ, легли, это, мы съ ней спать, свѣтъ погасили, я ей тутъ-то и жукнула на ушко. И то, думала, скрозь земь провалюсь. Ну, да то тетка, все одно что мать. Не осмѣяла, перекрестила, да выбранила: „Ты что же, говоритъ, дурочка, давно не скажешь! Я же у тебя намеднясь пытала! Смотри, говоритъ, чажолаго не подымай, пусть, говоритъ, свекровь бранится, ты на нее не гляди. Ты младенца своего соблюди, а на нее, на собаку, вниманія не обращай. Ну, да ничего. (*Весело*). Было мнѣ и тошно, и томно, а теперь опять ничего, легко, весело, радостно! (*Садится и разсматриваетъ свою работу*). Свѣтикъ ты мой, Андельская душка! Вотъ ты еще и на свѣтъ не родился, а мать..... тебѣ ужъ рубашонку сшила.

Уляшка и Алешка.

Алешка (*весело*). Гдѣ же моя Шашенька-Машенька? Аль спитъ почиваетъ, косточки расправляетъ?

Уляшка. Ахъ! ахъ! (*прячетъ работу за пазуху*). Чего ты орешь балмошный, выпугалъ до смерти.

Алешка (*смирненно становится на колѣнки у порога*). Извините, ваше высокое благородіе! явите божескую милость, потому какъ я вашей милости супругъ считаюсь, то и заоралъ во всю голову. Первый разъ простите-сь! (*Смѣются оба*).

Уляшка. Ну тебя, пустомеля! (*Цѣлуются*).

Алешка. А вотъ ваше высокое благородіе, что я вамъ изъ городу привезъ: отгадайте-сь, будьте такіе добрые.

Уляшка. Сережки?

Алешка. И сережки, и платочекъ. На, любушка-голубушка, вдѣвай въ ушко, наряжайся. Чтобы ты у меня въ праздникъ всѣхъ молодушекъ за-поясъ заткнула. Слышь, шельма-милка?

Уляшка. Свѣтъ ты мой, батюшка, Алешенька! ну, какъ тебя другъ забыть, какъ иного полюбить! (*наряжается передъ зеркаломъ*).

Алексѣй. Вотъ что, Уляша. Ты говоришь „какъ иного полюбить“, а у меня и сердце екнуло. Мотри ты у меня! Не даромъ Филька пьяные свои буркалы на тебя таращить.

Уляшка. А что я съ нимъ подѣлаю? Деверь! Гдѣ я, тутъ и онъ, не отгонишь!

Алексѣй. Мотри, говорю. Даромъ онъ мнѣ братъ, а я тебя ни брату, ни свату не уступлю.

Уляшка, (*обнимая его*). Да свѣтикъ ты мой,

Алешенька, да неужто же я, сама то, слѣпая? Неужто же я тебя съ нимъ сравняю? Душенька ты мой! А я тебѣ вотъ что скажу. Ревновать, такъ не наряжать. А то вырядишь ровно куклу, да глядѣть не велишь.

Алексѣй. Нѣтъ, зачѣмъ! Пусть глядятъ. Только по мнѣ вотъ какъ: чтобы, значить, люди глядѣли, да сохли бы, не пили, не ѣли, а ты, значить, чтобы со мной однимъ. Вотъ такъ, чтобы, значить, головешкой на твою на правую рученку....

(Жметъ къ ней и вдругъ за одинъ, высунувшійся изъ-за фартука кончикъ, выдерживаетъ у ней изъ за пазухи шитье ея).

Уляшка. Ахъ, батюшки! Отдай, Алешка!

Алешка. Нѣтъ, братъ, постой! Таперичи, значить, шабашъ, попала. Аль ты думала, я не видалъ какъ ты за пазуху-то прятала. Тоже, вѣдь, хитра шельма!

Уляшка. Ну же, да отдай же, голубчикъ, анделъ мой. Ну, ради Бога.

Алешка. Ахъ ты, заплачетъ, ей Богу заплачетъ! *(отталкиваетъ ее).* Тойди, говорю. Дай погляжу, что такое, тогда и отдамъ. Небось кисеть деверечку миленькому Филюшкѣ, или еще какому-нибудь поганцу. Знаемъ мы васъ, бабъ, знаемъ! Душенька, сердечный другъ, а сама отъ душеньки хоронится.

Уляшка. Самъ ты поганецъ! Вотъ что! безсовѣстный ты! *(прислоняется къ стѣнкѣ и плачетъ).*

Алексѣй *(оборачиваясь къ ней спиной).* Еще на грошикъ! *(передразниваетъ ее).* Ревн, ревн! Москва слезамъ не вѣритъ! Ты думаешь, я боюсь ихъ, вашихъ бабьихъ слезъ? Цѣло будетъ, все цѣло! Только погляжу! *(Важно усаживается и разворачиваетъ узелокъ. Вынувъ и увидавъ руба-*

шенку, вскакиваетъ и быстро комкаетъ и зажимаетъ весь узелокъ въ кулакъ. Пауза. Уляшка прячется отъ него, онъ конфузливо переминается съ ноги на ногу, потомъ бокомъ подвигаясь къ Уляшкѣ). Ну, не плачь! Улька, а Улька? (Уляшка все больше отъ него отвертывается). Лапочка, душечка, ну, виновать, ну прости ты меня, дурака оглашеннаго. Милушка, (Уляшка кидается ему на шею), ну почему я зналъ? Мы, вѣдь, дураки на эвтотъ счетъ, слѣпые. Ей Богу! Ну, откройся же, что ужъ! Полно прятаться! Таперь вовсе наряжу какъ купчиху!

Явленіе 3-е.

Уляшка, Алешка и Ѳедосья.

Ѳедосья, (съ клюкой, еле передвигая ноги). Вотъ онъ гдѣ! Я думала изъ города вернется прямо въ избу зайдетъ, а онъ въ пунькѣ съ своей съ ящеркой ровно теленокъ лижется. Тьфу! Ты бы хоть матери постыдился.

Алешка (отходя отъ жены). Ну, чего орешь то? Вѣдь я въ избу не иду къ тебѣ, а въ своей пунькѣ что хочу, то и дѣлаю!

Ѳедосья. Ты мнѣ еще перечить сталъ! Ахъ ты Иродово мясо! (замахивается палкой). Изворочаю до смерти!

Алешка (подставляя другое плечо). Ну, валяй, за одинъ разъ, отведи свою душеньку, да и съ Богомъ. (Подходитъ къ Уляшкѣ и отдаетъ ей ея работу).

Ѳедосья. Ты опять къ ней? На моихъ глазахъ! Да что она тебѣ, жена или сударка? Да ты слыхалъ что я тебѣ сказала? А? Да я тебя, да я тебя.....

Уляшка. Да полно тебѣ, матушка! Дай я тебя въ избу отведу.

Өедосья. Ха, ха, ха, ха! Дожила, Өедосья, дожила! Какая-нибудь, прости Господи, Уляшка, тебя изъ пуньки своей въ шею, по горбу, по горбу..... Спасибо, сынокъ, спасибо! Тьфу! окаянные! (*ирозитъ клюкою*). Погодите же! Копѣйки расколотой вамъ не оставляю?

Уляшка. Ну тебя съ твоимъ съ наслѣдствомъ. Лучше не лайся по пусту.

Өедосья. Это такъ, такъ. Жена кричитъ на мать ровно на батрачку, а онъ и въ усъ не дуетъ,— молчитъ.

Уляшка. Ахъ, матушка, да не трожь ты насъ, ради Бога! Ну что ты въ наши дѣла липнешь! Чего тебѣ хочется?

Өедосья. Нѣтъ, чтобы на жену цыкнуть, онъ за нее самъ на мать!

Уляшка. Да что тебѣ надо, ну скажи ты, ради Христа.

Алешка. Пойдемъ, матушка, кстати я тебя на крылецъ подсажу.

Өедосья. Молчать, Иродово мясо!

Алешка. Ну, коли такъ, значитъ „Прощай, Степанъ, ноги озябли!“

(*Уходитъ*).

Явленіе 4-ое.

Өедосья и Уляшка.

Өедосья. Ушелъ и разговаривать не сталъ! Это за то, что мать его выходила, выкормила, въ люди вывела! Спасибо, сынокъ! (*захлебываясь отъ злости*). Это ты, ты, жаба поганая, ты ящерка проклятая, ты мать съ сыномъ развела. Ворогомъ онъ мнѣ сталъ.

Уляшка. Господи Іисусе Христе! Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Өедосья. Всю семью забылъ для тебя. Какъ работу съ рукъ сбылъ, такъ и сидить у тебя въ пунькѣ, ровно къ паневѣ пришитый. Срамъ одинъ! Скоро два года женатъ, не побилъ ни разу.

Уляшка. А тебѣ нужно чтобы онъ меня билъ! Моей крови мало пьешь? Еще чтобы мужъ колотилъ? Ну что же? (*грустно*). Можетъ и дожدهшься, что бить станетъ. Все на свѣтѣ бываетъ!

Өедосья. Нѣтъ, отъ него не дожدهшься, чтобы онъ жену поучилъ. Скажи, ящерка поганая, чѣмъ ты его приворожила?

Уляшка. Отъ тебя лучше уйти. Безъ грѣха согрѣшишь! Ну тебя совсѣмъ! (*подходитъ къ сундуку, запираетъ его, кладетъ ключъ въ карманъ и хочетъ уйти*).

Өедосья. Запирай, запирай крѣпче. Замочекъ вѣрная собачка. А то свекровья не украла бы чего.

Уляшка. Господи, Боже мой! Нешто я за тѣмъ? Такой ужъ порядокъ!

Өедосья. Какже! Знаю я вашъ порядокъ! Прячь, прячь! Можетъ и мое тамъ что лежитъ.... никто не узнаетъ.

Уляшка. Твое у меня! Побойся Бога! Да нешто я у тебя воровать стану? Да нешто ты меня когда замѣчала въ евтомъ дѣлѣ?

Өедосья. А кто тебя знаетъ! Развѣ поймешь, что у евтакой ящерки на умѣ. Хитра, бестія. Можетъ ты не взяла, такъ мужъ тихонько сунулъ что.

Уляшка. Ты ужъ и на сына! Ну, я тебѣ постыла, а онъ то вѣдь твоя кровь!

Өедосья. Нешто онъ теперича мнѣ сынъ? Ты его по своему обдѣлала! Извѣстно, что мужъ что жена—одинъ сатана!

Уляшка. Ну вотъ что, матушка! чтобы ты на меня не клепала—вотъ тебѣ ключъ—чтобы сейчасъ при всѣхъ мой сундукъ переглядѣла, чтобы не было на меня попреку, слышь?

Федосья. Давай, давай! *(ковыляетъ къ сундуку)*. Кличь Таньку и Акульку, онѣ на дворѣ сидятъ.

Уляшка *(у двери, кричитъ во дворъ)*. Невѣстки, а невестки, маменька кличить!

Явленіе 5-ое.

Федосья, Уляшка, Татьяна и Акулька.

Татьяна и **Акулька** *(входятъ со двора. Татьяна съ веретеномъ и клубкомъ пряжи. Акулька съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ)*.

Акулька. Что тутъ у васъ дѣется?

Татьяна. Не видишь! Впервой что ли?

Акулька. Матушка сундукъ повѣряетъ. Вотъ что! Ну что-жъ! *(трясетъ и качаетъ ребенка)*.

Я ли коза во бору была

Бла траву шелковую.....

Шш... шш-шш—А-лю-лю-лю-лю-лю-лю. *(Ребенокъ плачетъ)*. Да цыть ты, негодный, дай поглядѣть то.

Татьяна *(садится и продолжаетъ сучить пряжу, внимательно слѣдя за Федосьей, которая судорожно отпираетъ сундукъ и изыряетъ оттуда все содержимое)*.

Уляшка *(молча подбираетъ съ полу холсты, рубашки, паневы, платки, тщательно вытряхивая и складывая все на лавку)*.

Акулька. Намеднясь мой сундукъ вверхъ дномъ переворочала, теперь до твоего, молодка, чередъ дошелъ. Да что! Наплевать! Нешто мы одни воровки! Ея сундука еще ни разу не будоражили.

Татьяна (*спокойно*). Ништо! Пусть ее. Чѣмъ-бы дитятко ни тѣшилось. Ахъ ты, дуй ты горой, сарахванъ то у тебя чудесный!

Акулька. Шестъ паневъ новыхъ, а у меня трехъ нѣту. Будь ты проклята, молодка, шалочка у тебя какая, хоть бы разокъ дала въ церковь сходить, покрыться!

Уляшка, (*тихо*). Вы мнѣ много даете?

Акулька. Хоть бы когда что подарила! Право! Ни въ жисть не раздобрится! (*Ребенокъ плачетъ*). Шш-шш, шш, шш. Баю! баю! Да замолчишь ты, холера!

Уляшка. Ну что ты младенца бранишь! Одурѣла!

Акулька. Ахъ ты учительша! Молода больно учить то. Перва своихъ нарожай, да тогда и учи.

Федосья (*между дѣломъ*) Нешто у евкакой, у ящерики будутъ дѣти? (*отодвигается*). Нѣту, ничего нѣту, куда-нибудь да запрятала.

Уляшка. Царица Небесная! Да куда же я запрячу то? Вотъ напасть!

Акулька. Хорошень ее, матушка, еще, еще, дюжѣй! Что она у насъ взавравду..... лю-лю-люшеньки.... Аль она одна у Бога взята, а мы..... бай, бай, баю-бай.... а мы отъ дьявола!

Федосья. Вотъ въ карманѣ нѣтъ ли чего?

Уляшка. Ну ужъ нѣтъ, матушка! Потѣшила я твою душеньку. Весь сундукъ ты мнѣ перерыла, а по карманамъ нечего шарить.

Федосья. А можетъ ты яицъ накрала? Рябая курица вчера съ яйцомъ была, а яичка то я нигдѣ и не найду.

Акулька. Хорошень ее, хорошень. Наддай маменька! Вишь ты дворянка какая! По карманамъ у ней не шарь! Небось по нашимъ сто разъ лазили, да молчали мы. Танюшка, да встань

ты, анаѣма! Матушка съ ней не сладить. Аль вотъ мальчишку поддержи, а я ее сичасъ освидѣтельствую. (*Хохочетъ*).

Татьяна. А ну тебя въ болото! Нужно мнѣ очень! Вѣдь все одно ничего же нѣтъ!

Акулька. Танька, да потѣшь же, ну, право! Только вѣдь и отлогъ души, что побронимся.

Явленіе 6-ое:

Федосья, Татьяна, Акулька, Уляшка и Петръ.

Петръ (*въ дверяхъ*). Ты что тутъ глотку выпустила! А, обыскъ! А вы обѣ замѣсто понятыхъ? Дѣло! (*Федосья*) Нашла что?

Федосья (*безучастно сидѣвшая все время*). Что? Нашла?... Ничего не нашла. Да нешто у евтой, у язвы найдешь. Спрятала куда нибудь.

Петръ (*смѣется*). Безпремѣнно, а то какъ же! Баба пронзительная. Ну, ты, сказывай, что украла, куды спрятала.

Федосья. Вонъ, въ карманѣ зажала, не кажетъ.

Петръ (*весело*). А вотъ, сичасъ и карманъ, значить, облевизуемъ.

Акулька. Ради Бога, голубчикъ, потѣшь!

Петръ (*шутя подходитъ къ Уляшкѣ*). Ну-ка, Варвара на расправу!

Уляшка (*выпрямляясь*). Безсовѣстные! Чего вамъ отъ меня хочется. Истинный хрестъ, нѣту у меня въ карманѣ ничего.

Петръ (*быстро скручиваетъ ей руки назадъ и притиснувъ ее лѣвой рукою, правой выворачиваетъ карманъ*). **Федосья** чуть не падая, кидается подбирать разную мелочь съ полу).

Федосья. Наперстокъ, воскъ, игольникъ. А

вотъ узелокъ. Стой язва, вотъ куда завязала. *(развертываетъ узелокъ)* Рубашонка! *(презрительно улыбается, бабы хохочатъ какъ безумныя)*.

Петръ *(плюнувъ)*. Ну васъ всѣхъ къ чорту, одурѣли всѣ, ей Богу. Дуракъ, кто и съ бабами то свяжется! *(Проходя мимо Акульки, зажимаетъ ей ротъ рукою)*. Ну, поѣхала! Зажми, ворона влетитъ! *(Уходитъ)*.

Татьяна *(встаетъ)*. И я, дура, бѣльма луплю, а тамъ небось самоваръ ушелъ *(Уходитъ)*.

Акулька *(все еще хохочетъ)*. Ой, ой, ой, ой! Животики надорвала! А ты не серчай, молодка! Укладывайся, да пойдѣмъ чай пить! Тебѣ теперича за двоихъ ѣсть надо. *(Уходитъ со смѣхомъ)*.

Уляшка *(отворачивается къ окну и молчитъ, подперши лицо рукою)*.

Явленіе 7-ое.

Федосья и Уляшка.

Федосья. Какова! а? Подумайте ко-сь добрые люди. За попомъ посылать пора, а она таится! Отъ свекрови таится, а? Да ты язва, ужъ не удушить-ли его хотѣла, а? Скажи лучше по истинѣ по правдѣ. Нѣтъ, ты мнѣ скажи! Вотъ оно, мужнино баловство-то! Ну, язва! *(Хочетъ встать и не можетъ)* Да ты чего надулась? Это ты такъ-то материны слова принимаешь? Веди меня, ноги зашлись!

Уляшка, *(молча помогаетъ ей встать)*.

Федосья. Тише, тише, знаешь, всѣ кости гудутъ!

Уляшка *(ведетъ ее подъ руки черезъ порогъ)*.

Федосья. Ну, теперь брось! Да брось же, говорю, безъ тебя дойду, еще не совсѣмъ калѣвка!

Гдѣ же Алешка дѣлся? А я ему, напою, какъ жену то распускать! (*Уходитъ*).

Явленіе 8-ое.

Уляшка. (*одна, возвращается къ сундуку и стоя надъ нимъ, кончикомъ платка утираетъ слезы. Потомъ въ изнеможеніи падаетъ на лавку и, закрывъ лицо руками, начинаетъ тихо и нѣжно голосить*): Дитятко мое милое, дитятко мое родное! Нероженое тебя, мое дитятко, облаяли; обрekli тебя, мое родное дитятко, на горькую долюшку. Либо тебѣ, дитятко, утопленому быть, либо мому кровному задушоному быть..... Нарекла тебѣ лютую смертушку, не чужая, не пришлая, твоего батюшки родная матушка, твоей матери лютая свекровьюшка. (*Схвативъ себя обѣими руками за голову*). Чтожъ ты кинулъ меня, свѣтъ ты мой Алешенька, аль не слышишь, не чуешь ты, моя застоюшка, какъ надъ любушкой, надъ сударушкой злая семьюшка измывается? (*Тихонько плачетъ приговаривая*). Какъ на пиръ на бесѣду много дружьевъ, а на горе-кручинушку и нѣтъ никого.

Явленіе 9-ое.

Уляшка и Филька.

Филька (*стоитъ въ дверяхъ улыбаясь, потомъ напярываетъ на гармоніи и напѣваетъ*):

„Стѣитъ Машенька заплаканы глаза

„У красавицы затерты рукава:

„Знать на Машеньку побѣдушка пришла“!

(*Садится около Уляшки*). Объ чемъ ты это ясные свои очушки заплакала? Скажи, объ чемъ ревешь?

Уляшка (*тихо*). Что тебѣ говорить! Иди себѣ!

Филька. Небось опять старая вѣдьма? Она, да, скажи Уляшка?

Уляшка. Знамо она, кому-жъ еще? Заѣла бы она меня, кабы смогла!

Филька. погоди же, я ее старую шутовку разожгу! Позабудетъ она мнѣ куралесить! За что она тебя?

Уляшка. А спроси за что! Батюшка видно ушелъ, погрызться не съ кѣмъ—ну такъ на молодку!

Филька. Ахъ ты, старая метелка! Все бы она кутила-мутила съ утра до ночи. Ну, будетъ ревѣть! Разожгу, одно слово! Тѣхъ двухъ пусть грызетъ, а тебя чтобъ не смѣла.

Уляшка. А что ты съ ней подѣлаешь!

Филька. А что до сей поры дѣлалъ! Я ее вотъ какъ (*сжимаетъ кулакъ*) держу. Знаешь сама, какъ. Она мнѣ зачнетъ денегъ давать, а я не беру. Не хочу, молъ, и гулять, молъ, больше не стану. Тошно мнѣ, молъ, дома. Ты, молъ, все грызешься со всѣми, ужъ и молодку, молъ, грызть стала, ни поиграть, ни позубоскалить не съ кѣмъ. Что это, молъ, за жисть! Уйду отъ васъ, въ монастырь уйду!

Уляшка (*невольно смѣется*). Ахъ ты, Сандулей Ивановичъ! въ монастырь захотѣлъ. То-то монахъ изъ тебя будетъ!

Филька (*тоже смѣется*). А чѣмъ я не монахъ?... И пѣсню же я важную въ городѣ выучилъ. Ребята въ трахтирѣ пѣли. Самая монашенская!

Уляшка. Должно, что монашенская!

Филька. А то и нѣтъ? Слушай! (*играетъ и поетъ*):

„Прощай, дружокъ, до свиданья!
 „Не забудь моего страданья.
 „Душа-ль моя, душенька,
 „Душа миль сердечный другъ!

—
 „Съ неба звѣздочка скатилась.
 Ну! любовь наша рѣшилась!
 Душа-ль моя, душенька,
 „Душа миль сердечный другъ!
 (*Жметъ къ Уляшкѣ*).

Уляшка (*отстраняя его*). Ну, ужъ евто ты напрасно! Пѣсни пой, а чтобы липнуть, — на евто моего согласія нѣтъ!

Филька. О! въ самомъ дѣлѣ? Что такъ?

Уляшка. Да, вотъ такъ. Ты мнѣ деверь — ну и не гоже.

Филька. То-то и гоже, коли деверь; все одно что братъ родной!

Уляшка (*строго, но ласково*). Нѣтъ Филюшка, ради Бога, ты хошь одинъ изо всей семьи не измывайся ты надо мною.

Филька (*поглядѣвъ на нее, отодвигается*). Чудная! Чтожъ тѣ двѣ анчутки не брыкаются? Какъ хошь муштруй, только гогочуть!

Уляшка. Ну ужъ это какъ кто, кому что ндравится!

Филька (*задумывается, потомъ уныло*). Ну, такъ я пойду! Чтоже такъ то сидѣть! Скучно! Я къ дѣвкамъ пойду! (*Встаетъ*).

Уляшка. погоди, что я у тебя спросить хочу!

Филька. А что?

Уляшка. Почему тебя матушка одного слушаетъ? Тебѣ одному боится слово сказать?

Филька. Хм..... Такъ тебѣ это нужно знать.... почему?

Уляшка. Ну да, почему? Часто думаю я: что это, Господи, такое! Мы ей всё, чтобы, значить, угодить, чтобъ потрафить по ней какъ ни какъ, медъ ей на голову льемъ, а она все омегомъ становить. А ты ее и ругаешь когда, и не слушаешь... и все ничего.

Филька (*осклабившись*). То-то вотъ! Полюбил-ся сатана лучше ясна сокола!

Уляшка. Такъ по твоей дудочкѣ и пляшетъ. Все по твоему.

Филька. Еще бы! У меня вѣдь дудка, а у васъ шиперка. Моя дудка дудить, а ваша шипить!

Уляшка (*беретъ его за плечо*). Нѣтъ, ты не смѣйся, а правду скажи! Люди брешутъ кое-что про тебя, да я что-то не вѣрю.

Филька (*грустно вздохнувъ*). А что людямъ не вѣрить! Кабы ничего не было—не брехали бы. А ты вотъ что скажи! Хохлы у насъ прошлымъ годомъ стояли?

Уляшка. Ну, стояли.

Филька. А пѣсни пѣли?

Уляшка. Ну, пѣли! Да ты это къ чему?

Филька. Ужъ я знаю къ чему! Такъ вотъ пѣли они пѣсню:

„Въ огородѣ соловей щебеталъ
„У сосѣда ахвицеръ ночевалъ!

Помнишь?.....

Уляшка. Гдѣ ее упомнить! Забыла. Ну что же?

Филька. А то же! ахвицеръ ночевалъ! (*Потупляется*).

Уляшка (*задумчиво*). Да ты можетъ врешь, Филюшка?

Филька. Дура ты, простоволосая! Кто-жъ на

себя вратъ-то станетъ напрасно! Аль ни досадно!!

Уляшка. Ну, не серчай, батюшка, я вѣдь такъ это!

Филька. Только и житья мнѣ пока мать жива! Изъ нее духъ вонъ, изъ мене добрые дни! Не дай Богъ помреть—на братцевъ не надѣйся.... На порогъ, да въ шею: ступай свою бачку разыскивай!

Уляшка. Вотъ оно что!..... Ахъ! Филюшка, Филюшка!!

Филька. А, да что тужить!

„Гуляй, голова,

„Поколь молода!

„Какъ стара будешь—

„Про все забудешь!

(Принимается цѣловать Уляшку). Охъ, пышка моя, да ты пшеничная моя! А ты еще обижать меня стала!... Потѣшь, пока времячко, а послѣ самъ не захочу! Эхъ! и (заломивъ шапку на бекрень и смахнувъ поддевку однимъ движеніемъ плеча рукавомъ почти до земли, уходитъ, напѣвая):

„Ахъ ты ноченька, ночка темная,

„Ты головушка, ты побѣдная!

(Занавѣсъ).

Д ѣ й с т в і е 2-ое.

(Сцена представляетъ богатую крестьянскую избу).

Явленіе 1-ое.

Федосья, Кумъ, Кума, Петръ и Татьяна, Архипъ и Акулька, Алешка.

(Вся компанія пьетъ чай, Татьяна угощаетъ),

Федосья. Ты что, кума, говоришь?

Кума. То-то вотъ, я то что говорю, при жизни бы распорядилась, чтобы апосля недовольствія не было.

Федосья. Чѣмъ я распоряжусь, Богъ съ тобой! Нѣтъ у меня ничего.

Акулька. Нечего матушка, Бога гнѣвить! Всѣ мы довольно понятно знаемъ, что у тебя деньги есть.

Федосья. Тѣфу, дура, право дура! Гдѣ онѣ у меня? Ну, скажи, гдѣ?

Татьяна. *(Спокойно).* Сама вчера въ сумеркахъ въ окно видѣла, какъ ты бумажки считала, да въ сундукъ межъ одежды укладывала.

Федосья. И не грѣшно тебѣ врать то? а? Безстыжіе твои глаза! Не вѣрь ей, кума, ей Богу, не видала, ничего не видала. Нѣтъ у меня ни гроша, помру, похорониться нечѣмъ.

Кума. Ну, полно, кума, Федосья, грѣшитъ то. А ты лучше какъ вотъ баба-то говоритъ, при живности бы подѣлила кому что, и крестничка мого, Филюшку не забудь, смотри.

Федосья. Говорю же тебѣ, кума, нѣту у меня ни копѣйки. Сама знаешь, осталась я вдовой съ малыми дѣтьми, какія тутъ деньги!

Кумъ. Однако! Домишко-то вѣдь обигорила на *мужнины* денежки, своихъ не потратила. Опять ребята у тебя ужъ который годъ поштву гоняють, значить кормятся сами, а твоя денѣга не тронутая лежитъ.

Петръ. Хоть бы, матушка, по сотенкѣ. Все одно съ собой не положишь! На томъ свѣтѣ что съ тыщей, что безъ гроша—почетъ одинъ. По крайности не пропадутъ. А то хъ примѣру, вдругъ Богъ по душу пошлетъ и сгниютъ они у тебя гдѣ нибудь въ сараѣ или въ конюшнѣ, никому и не достанутся.

Акулька. Достанутся тому, кто подглядѣлъ, гдѣ онѣ хранятся. Рукастому и достанутся, кто въ ту-пору зѣвать не станетъ.

Татьяна. Это кому же? Кто жъ у насъ рукастый-то, а?

Акулька. Не знаю, только что не я.

Татьяна. Ты это на кого-же? А? (*Подступаетъ къ Акулькѣ*).

Архипъ. Бабы, цыть! Аль тукманки захотѣли для праздника? А ты бы, матушка, въ самомъ дѣлѣ распорядилась: мнѣ хоша бы домишко отказала, а братьямъ денѣгами.

Федосья. Чтобъ вамъ всѣмъ покалѣть! Никому ничего не оставлю. Сама нажила, сама и прожила! Сожгу да пепломъ по вѣтру пущу! Нѣтъ вамъ ничего.

Алешка. И я то же матушка скажу. Не вѣришь мнѣ, такъ вѣрь Богу! Не для денегъ говорю, а чтобы у насъ сраму не было апосля, дѣлежки. Своей бы рукой, какъ хотѣла.

Федосья. Ахъ ты, Иродово мясо, батькинъ патреть! И ты денегъ захотѣлъ? Вѣдь ты на богатой женился! Поди ей правую ножку разуй, да кстати всѣ пальчики перецалуй, а тамъ по-

гляди небось въ башмакѣ золото насыпано. (*Всѣ хохочатъ*),

Кумъ. Полно тебѣ, Оедосья, на старости лѣтъ!

Оедосья. Утица-то твоя, утенка скоро выведетъ, можетъ и на его долю велишь тыщу отложить?

Алешка. (*Вспыливъ, встаетъ*). Ну, матушка, отвѣтишь ты на томъ свѣтѣ!

Оедосья. За кого?

Алешка. За меня, да за Уляшку.

Оедосья, (*поднимается дрожа и хочетъ ударить его клюкой, но попадаетъ въ кума*). Вонъ изъ моего дома!

Кумъ, (*отстраняя клюку*). Эй, кума, меня то за что?

Алешка, (*уходитъ, не олянувшись*).

Явленіе 2-ое.

Оедосья, Кумъ, Кума, Петръ и Татьяна, Архипъ и Акулька.

Кума. Будетъ тебѣ кума! Что это ты передъ послѣднимъ концомъ выиграла? Надо бы потише!

Петръ. Особороваться бы надо матушка! Къ одному бы ужъ концу! Коли жить, такъ поздоровилось бы, а умирать, такъ ужъ не чадала бы попусту.

Оедосья (*ядовито*). Спасибо, сынокъ.

Татьяна. Я давно матушкѣ говорю, да она слушать не хочетъ. „Вы меня, говоритъ, живьемъ бы закопали, да я вотъ васъ всѣхъ переживу“.

Акулька (*прихлебывая изъ блюда*). Это она такъ. (*Куму*). Ты на нее погляди, вонъ она какая сидитъ. Часто на нее эдакъ накатываетъ.

Оедосья (*сидитъ, безучастно уставившись глазами въ полъ*).

Акулька. Вотъ напимѣрь, поидеть она куда, станетъ посерединѣ двора и стоитъ, забыла куда шла, такъ и вернется въ избу, не вспомнитъ. Либо вотъ сейчасъ ѣла, только перекрестится и говоритъ: „Танюшка, собирай обѣдать“.—Матушка, скажу, да ты только что ѣла! „Неужто правда, говоритъ? А что мы ѣли? Кашу?“—Нѣтъ, молъ, щи хлебали! „А, щи! не знаю, не помню“.—Умомъ, что ли, она тронулась?

Өедосья (*опомнившись*). А, что? ты что сказала? (*Опять задумывается*).

Акулька. Ничего! (*Смѣется*). Вчера что было—не помнитъ, а какъ молода была, какъ съ батюшкой жила, все тебѣ выложить какъ по книжкѣ. Сидитъ одна и все говоритъ, говоритъ безперечь, безперечь. Слушаешь, альни жутко станетъ.

Кумъ. А на нее опять видно накатило.

Кума. Должно быть! Глазами то какъ нехорошо глядитъ.

Кумъ (*вставая, Өедосья на ухо*). Ну, прощай, кума, спасибо тебѣ!

Өедосья (*вздвигнувъ*). А, уходишь? Ну, прощай, прощай. Приходи опять!

Кума. Прійдемъ, прійдемъ!... Слушай-ка, кума Өедосья, а ты бы за попомъ послала.

Өедосья. А ну его! (*Мотаетъ головой*). Не хочу я его. Еще успѣю.

Петръ. А какъ можетъ помрешь безъ причастія?

Өедосья. Самъ можетъ раньше моего издохнешь!

Кумъ (*пожимая плечами*). Что съ ней станешь дѣлать! Ну, счастливо оставаться!

(*Кумъ и кума уходятъ*).

Федосья, Петръ и Татьяна, Архипъ и Акулька.

Петръ (*Архипу*). Ну что, братъ Архипъ, что намъ съ ней дѣлать?

Архипъ. Да что дѣлать! Надо, какъ ни какъ уломать ее.

Петръ. Уломаешь эдакую головню горѣлую! (*Съ ненавистью взглядываетъ на мать*). Кабы Филька въ паю былъ, онъ бы ее живо. Ну, да его и путать нечего, пятое колесо въ телѣгѣ. Да и что ему за корысть объ насъ хлопотать!Алешку что-то вовсе не взлюбила!—Бѣда!

Архипъ. Вотъ то-то оно и горе-то.Пойдемъ-ка, братъ, къ Кузьмичу, за полштофчикомъ лучше посовѣтуемъ.

Петръ. Что же, пойдемъ! (*Уходя тихонько Татьянѣ*). Если ты у меня, баба, да прокараулишь, ужъ и чтоже тебѣ отъ меня будетъ!!

Татьяна. Не говори лучше, и то ночи не сплю.

Архипъ (*Акулькѣ*). Какъ что мало мальски, ты, дѣвка, не зѣвай! Что сцапаешь, то и твое. Ключи то у ней гдѣ, знаешь?

Акулька. А лѣшій ее знаетъ! При тебѣ въ сундукъ слазить, при тебѣ его и замкнетъ, а ключъ куда дѣваетъ ни за что не увидишь; какъ сглонетъ она его.

Архипъ. Мотри, дѣвка, не зѣвай! Загребешь что—поцарюешь, а проворонишь, ну и гляди вѣкъ изъ чужихъ рукъ: глотай глотки на людей глядя. (*Петру*). Ну, что братъ, чего тамъ шушукаешь, аль у Алешки научился?

Петръ. А самъ передъ женой то чего вертѣлся! (*Приплясываетъ*).

„Акулюшка для тебѣ

„Голубушка для тебѣ.....

Архипъ. Полно вратъ!.... Пойдемъ.

(*Уходятъ*).

Явленіе 4-ое.

Федосья, Татьяна, Акулька и Уляшка.

Федосья (*изподлобья глядитъ имъ вслѣдъ, потомъ обращается къ невѣсткамъ*). Ну, а вы чего сидите? Пужалы гороховыя. Небось, думаете: вотъ она, старая вѣдьма, сичасъ околѣетъ, а мы ей карманы повытрясемъ? Такъ вотъ нѣтъ же, красавицы, еще подождете маленечько, я еще умирать не думаю.

Уляшка (*разряженная входитъ и идетъ къ Федосье*). Матушка, я на улицу пойду!...

Федосья. Фу ты, ну ты! Тойди прочь, замараешь! Сама ящерка идетъ!

Уляшка. Хошь бы для праздничка назвала по Божьи. Чай имя то есть. Ну, такъ я пойду!

Федосья. А провались ты скрозъ земь! Мнѣ что за дѣло!

Уляшка. Какъ же не спросясь! Все же надо спроситься! Ну, а коли не велишь, я, пожалуй, другой разъ и докучать не стану.

Федосья. Конечно! Вѣдь мужа не спрашиваешься, ну и у свекрови не надо. „Я—ста, своей волей!“

Уляшка. Ну, Христось съ тобою! На тебя, самъ батюшка, Миколай Угодникъ, прійди, и тотъ не угодить. Гдѣ же мнѣ, грѣшной, на тебя потрафить! Ну, такъ я иду! (*Уходитъ*).

Федосья. Ну, а вы чего сидите?! (*Раздра-*

женно). Съ глазъ моихъ долой! Вонъ кикиморы, вонъ! (*Швыряетъ въ нихъ чѣмъ попало, хватая вокругъ себя вещи съ лавки и со стола*).

Татьяна (*вскочивъ*). Господи Иисусе Христе! Уйдемъ, Акулька! Видно взаправду еще не скоро окаюкается. (*Уходятъ*).

Явленіе 5-ое.

Федосья (*одна*). Выгнала.... ушли. На силушко-то ихъ бурей унесло! (*Съ трудомъ идетъ къ двери и запираетъ ее на задвижку*). А то какъ разъ подглядятъ! Дуры! Захотѣли надуть меня! И кумъ туда-же!.... Какже, такъ и надуешь! Все бы имъ, все бы имъ, жаднымъ. А вспомянула ли хоть одна душа объ Филюшкѣ? Какой ни на есть, все-же онъ имъ по матери братъ. Проронилъ ли хоть одинъ братъ словечко объ немъ? „Дай молъ и Филюшкѣ равную долю“. Да за евто слово я бы кажись тѣла своего не пожалѣла! (*Задумывается*). Филюшка ты мой, Филюшка, дитеночекъ ты мой! И ростомъ въ него, и кудрявый такой же. Какъ онъ бывало сидитъ на крылечкѣ въ одной шитой сорочкѣ, бѣлый, да статный. Господи Боже мой! (*Вздригнувъ*). А? Что? Идетъ кто? (*Глядитъ въ окно изъ подъ руки*). У! солнце то такъ и жарить! (*Злобно*). Пошли-то Господи дождечку хорошаго, чтобы ее, дуру, всю до ниточки вымочило! (*Опять задумывается и говоритъ какъ бы во снѣ*). „Не по себѣ, ваше благородіе, липку гнешь, я мужняя жена“.—А что мнѣ, говорить, за дѣло, знать я твоего мужа не хочу. Разкрасоточка моя, дай, говорить, наглажуся на тебя“. (*Вздыхаетъ*). Све-кровь-матушка, царствіе ей Божіе, ту ночь какъ пришла я отъ него, ужъ и била-жъ меня, шибко била. Всю ночь до зари тиранила! Вотъ ужъ све-

кровь была, такъ свекровь, царствіе ей Божіе! Попила моей крови немало. (*Потупляется, потомъ шаритъ руками около пояса*). Ни въ жисть имъ не найти! Вотъ онѣ гдѣ бумажечки-то. Пять сотельныхъ. Они сдуру въ сундукъ искать будутъ, а тамъ, кромѣ тряпокъ, ничего. (*Вытаскиваетъ изъ за пояса маленькій мѣшочекъ вродѣ ладонки*). Вотъ они гдѣ зашиты. (*Радостно*). Нѣтъ вамъ никому ничего.... Издыхать стану, Филюшкѣ всѣ отдамъ. Господь съ нимъ! Молодъ... глушь... Загуляетъ, всѣ ихъ рѣшить, безъ копѣйки останется... А Богъ съ нимъ, ну, пусть, хошь погуляетъ. Наградила мать горькою долею, такъ хошь пусть же онъ на эти денежки, на слезныя, свою душеньку потѣшитъ. (*Задумывается, горько покачивая головой и тихонько приговариваетъ*). Филюшка, батюшка-а, чего ты маленькій не померь! Чего ты жить остался, глупый твой разумъ. Кабы схоронила я тебя, съ радостью бы и сама въ могилу легла. Дитятко мое жалкое, дитятко мое глупое, дитятко мое болѣзное, во слезахъ ты у меня дитятко выросло, слезами умывался, руганью утирался. Царствіе Божіе матушкѣ-свекрови, сведи насъ, Господи, на томъ свѣтѣ, все я ей припомню. (*Въ дверь стучатъ*). А? Что это? Кто тамъ? (*Мечется туда и сюда, не зная куда дѣвать деньги*). Ну, за пазуху пока. Кто тамъ?

Явленіе 6-ое.

Федосья и Филька.

Филька (*за дверью*). Отопри, старая!

Федосья. Ахъ! это ты, мой батюшка!

Филька. Да отопри! Кой чертъ запираешься стала! Околѣешь тамъ одна.

Федосья. Сичасъ, сынокъ, сичасъ отопру.
(Спотыкаясь ковыляетъ къ двери и отпираетъ ее.)

Филька (входитъ сильно выпивши и грузно садится на лавку). Съ кѣй поры запирается стала? Аль мошну провѣряла?

Федосья. Нѣтъ, такъ, батюшка мой, сыночекъ мой. А ты гдѣ былъ?

Филька. Отсель не видать. А гдѣ же бабы?

Федосья. А шутъ ихъ знаетъ! Насилу выгнала, надоѣли!

Филька. Ты все ругаться! Ну, погоди, старая, дождешься что всѣ отъ тебя убѣгутъ, какъ отъ чумы.

Федосья. А пусть ихъ бѣгутъ. А бы ты со мной (ласкаетъ его). Вотъ женю тебя да и буду радоваться на твое житье.

Филька. Стану я съ тобой жить. Какже! Мое житье и теперь хуже собачьяго. Ни поиграть, ни пошутить не съ кѣмъ. Одна брань да ругань. Бывало хошь съ молодкой пошутить, а теперь и она ходитъ какъ въ воду опущеная. Не стану я тутъ жить, я въ городъ уйду.

Федосья. Что ты, что ты? Мать бросить хочешь?

Филька. И брошу. Въ кучера наймусь.

Федосья. Да что ты это, Богъ съ тобой!

Филька. Ну, на чугунку уйду, въ кочегары, али въ истопники, авось, Богъ дастъ, придушить гдѣ-нибудь. Все лучше, чѣмъ ежели брань, галда твоя изо дня въ день.

Федосья. Филька, голубеночекъ ты мой, мнѣ жить ужъ немного осталось. Ну-ка я безъ тебя помру?

Филька. А, ты вѣдь все издыхаешь! да никакъ не издохнешь!

Федосья. Аль тебѣ хочется, чтобы я скорѣй убралась?

Филька. Мнѣ что, живи! А я уйду. Богъ съ тобой?

Федосья (*со страхомъ и любовью заглядываетъ Фильку въ лицо*). Ну, чего тебѣ, скажи? Все дли тебѣ сдѣлаю. Только не ходи ты, ради Господа Бога, не кидай меня старую. Можетъ мнѣ одинъ денекъ жить осталось! (*Горько плачетъ*).

Филька. Грызть молодку не станешь?

Федосья. Ну ее, пальцемъ не трону, коли она тебѣ мила.

Филька. Я то ей не милъ: не глядитъ.

Федосья. Ну, вотъ видишь? Какъ же ее не грызть-то? Ты ли у меня не красавчикъ, ты ли не рисованный? Ужъ былъ бы тебѣ бѣлъ, да кудрявъ! (*Цѣлуетъ его въ голову*).

Филька, (*грубо отстраняя ее*). Ну, пожалуйста; знаешь: стара баба не гораздо молодцу кудри чесать.

Федосья. Ну, ну, не сердись, не стану. Тебѣ деньжонокъ не надоть ли?

Филька. Когда не надо! Давай! Знаешь вѣдь, что у меня завсегда хошь и четыре полы—восемь кармановъ, а во всѣхъ пусто. Давай! Нонче ребята обѣщали прійти, угостить надо.

Федосья. А много тебѣ надо?

Филька. Десятку давай.

Федосья. Что такъ много.

Филька. А много, такъ не надо ничего.

Федосья. Ну, ну, какой ты. Сичасъ и сердчать. Подай ка съ полки чайникъ. Вонъ въ углу, безносый то.

Филька. (*подавая ей чайникъ*). Ого, го! Вотъ она, кубышка-то золотая. Ну-ка, тряхни-ка всю.

Федосья. Вотъ рублевка, вотъ трешница. Будетъ, Филя, батюшка.

Филька. Ахъ ты, старая корга. Будетъ тебѣ

торговаться! Давай еще. Всѣхъ не потрачу, не бойся, а люблю, чтобы въ штанахъ позванивали.

Өедосья. Ну, Богъ съ тобой! (*Изъ кармановъ и платочковъ, завязанныхъ узелками, достаетъ еще денегъ*). Ну, теперь всѣ десять.

Филька. Ну, вотъ спасибо.

Өедосья. Дай же я тебя поцалую (*протягиваетъ дрожащія руки, желая обнять Фильку. Онъ наклоняется къ ней, но въ ту минуту, когда она хочетъ обхватить его шею руками, онъ увертывается и Өедосья падаетъ на полъ*).

Филька (*весело хохочетъ*). Что, поцѣловала? Нука-съ подымайся. Садись! (*Подымаетъ мать и сажаетъ ее на лавку*). И чего лѣзешь? Знаешь вѣдь—смерть не люблю цѣловаться.

Өедосья. (*робко*). Ну, Богъ съ тобой, Богъ съ тобой, не стану. Ну, иди, погуляй, погуляй!

Филька. Эхъ, таперь:

Загуляемъ, запоемъ,

Ворота клиномъ забьемъ.....

А ты смотри-же, старая мутовка, не ругаться, не то въ монастырь уйду.

Өедосья. Куда, въ монастырь?

Филька. Нуда, въ монастырь въ монахи пойду!

Өедосья. Господь съ тобой! Все то ты меня тращаешь.

Филька. Ну, прощай. (*Идетъ къ двери*).

Өедосья. Стой, вернись.... Что я тебѣ скажу....

Филька. Ну, духомъ. мнѣ ждать некогда.

Өедосья. Вотъ что я тебѣ скажу. Ты знаешь..., слыхаль вѣрно..... народъ то у насъ на языкъ плохъ.....

Филька, (*нетерпѣливо*). Ну, скоро что ли?

Өедосья. У Бога не утаишь, и у людей также.....

Филька. Объ чемъ ты?...

Федосья. Ты можетъ клянeshь меня, Филюшка а?

Филька (молчитъ).

Федосья. Тяжело, сынокъ, каяться. Самъ знаeshь: не родной ты братьямъ.

Филька, (смущеннымъ и нѣсколько обиженнымъ тономъ). Къ чему ты еври рѣчи завела? Что мнѣ за дѣло? Ну, была молода, гуляла, мнѣ какая печаль! Кайся Богу да попу. Мнѣ что!

Федосья. Умру—обидятъ, выгонятъ пожалуй изъ дому. . . . Душа то у нихъ. . . .

Филька. Полно врать! Душа все одна. Аль ты думаeshь, что у тебя душа, а у нихъ бала-лайка?

Федосья. Не шути, Филюшка, не до шутокъ мнѣ.

Филька. Пусти меня, матушка.

Федосья. Нѣтъ, послушай. . . . Не долго мнѣ жить, чую смерть свою: вы вотъ уйдете всѣ, а я одна сижу на печкѣ, либо на лавкѣ и слышу: идетъ она, идетъ, вотъ стоитъ она за плечами; не вижу, не слышу, а чую. Птица, не птица, и не человѣкъ, а словно шепчетъ—„Пора, Федосья, костямъ на мѣсто“.

Филька. Полно тебѣ, матушка. Съ тобой среди бѣла дня жуть нападетъ. *Хочетъ идти*).

Федосья. (цѣпляясь за него). Нѣтъ, постой, одинъ этотъ разъ не осмѣй матери. Знаю, часто я не въ памяти бываю: вотъ эдакъ то, ты уйдeshь, а я безъ тебя помру и ничего-то тебѣ не дадутъ. . . . Петра, Богъ съ нимъ, онъ бы меня съ радостью нонче же закопалъ, Архипка и подавно! Алешка сынъ былъ настоящій, да промѣнялъ мать на жену. Ну, да что и говорить: ночная кукушка завсегда дневную перекукуетъ. (Филька дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе). Не бойся, ругать не стану, я

свое слово твердо помню. И всѣ-то они только и ждутъ моей смерти и помри только мать—до ниточки все разберутъ, а тебѣ ничего не достанется..... Вотъ тебѣ ладонка—тутъ пять сотельныхъ. Съ той поры, какъ ты родился, для тебя по копѣчкѣ копила, это твои денежки. На же, бери, спрячь. Не обижай матери, бери сынокъ. Смотри-же, никому не давай: для тебя я ото рта кусокъ отрывала, по копѣчкѣ сколачивала. Носи замѣсто ладонки, никто не догадается. Нагнись, я сама тебѣ надѣну. (*Филька нагибается*). Вотъ такъ! Ну, таперь иди.... Таперь хошь и помирать. Уберегла таки, никто не зналъ, убереги и ты также.

(*Безсильно опускается на лавку*).

Филька. Напрасно, матушка.... себя безпокоила.... Братьямъ бы лучше отдала. У меня все одно прахомъ пройдутъ.

Федосья. Ну чтожъ! на дѣло потратишь, благослови Господи! Поразмотаешь—твоя вольная волюшка. Только вѣдь тебѣ отъ меня и было, и будетъ. Ну, иди, иди съ Богомъ!

Филька. (*идетъ къ двери*).

Федосья. Фильюшка.... сынокъ....

Филька (*не оборачиваясь*). А?

Федосья (*сквозь слезы*). Воротись!

Филька (*оборачивается*). Тебѣ что?

Федосья. Подъ ко мнѣ.

Филька. Ну! (*Подходитъ*).

Федосья. Не кляни меня, сыночекъ, что я тебя, краивничка, родила.

Филька. Что ужъ клясть. Видно ужъ такая моя горькая доля.

Федосья. Отецъ твой давно померъ. Нѣтъ-то у тебя никого на бѣломъ свѣтѣ.

Филька. Ну чтожъ!

Федосья (обхвативъ его за голову). Горевой ты мой, слезовой ты мой!

Филька. Полно тебѣ убиваться, родимая! Авось не пропаду. Видно намъ съ тобой такъ Господь судилъ. Спасибо тебѣ за все. (*Кланяется ей въ ноги*).

Федосья. Батюшка, соколъ мой ясный, что ты это! Ну, иди, иди, пока никто не видалъ.

Филька (*уходитъ*).

Явленіе 7-ое.

Федосья (*одна, схвативъ себя руками за сп- дые волосы, начинаетъ рвать ихъ; платокъ падаетъ съ головы, волосы прядями разсыпаются по лицу и плечамъ*). Ну, шабашъ таперь! Шабашъ, Федосья! Истребалась, какъ онучка старая, отжила вѣкъ, нагулялась на бѣломъ свѣтѣ. (*Облокачивается на столъ*). Вотъ тутъ на лавкѣ положить, а тутъ матушкино благословеніе поставятъ. Все на смерть готово, и сарафанишко, и коты новые, и чулочки бѣлые.... Филюшка можетъ заплачетъ, а тѣ нѣтъ. Некому! Петра радъ будетъ что хозяиномъ сталъ, Архипка сичасъ на раздѣлочую пойдетъ. Алешка съ своей, съ ящеркой, въ ту-жъ пору утѣшится. А о бабахъ и говорить нечего! Свекровь-вѣдмѣ закопаютъто-то ли не радость! Богъ съ ними!.... Всѣмъ я имъ руки вяжу.... Околѣю, никто галдѣть не будетъ, что хошь, то и дѣлай! Хошь въ домъ тащи, хошь изъ дому. То-то житье пойдетъ! Не улежать моимъ косточкамъ въ сырой землѣ, что тутъ дѣяться будетъ послѣ меня!...

Федосья и Андрей.

Андрей (*входя*). Здравствуй, сватья!

Федосья. Здравствуй свать, гдѣ ты шлся?

Андрей. Гашку ходилъ провѣдать!

Федосья. Подзаборникъ, чужедомникъ, только и знаетъ, чужіе углы повѣряетъ, чужой хлѣбъ трескаетъ.

Андрей. Я не твой хлѣбъ ѣмъ, а дочернинъ.

Федосья. А много у твоей *дочери* хлѣба?

Андрей. А много у твоего *сына* хлѣба?

Федосья. Безрукій, шутъ.

Андрей. Безногая, калѣка.

Федосья. У меня ноги съ работы болятъ.

Андрей. А у меня руки нѣту видно отъ гулянья? Тоже, чай, покойному барину какія кареты закатывалъ, подъ одинъ шпиль съ питерскими.

Федосья (*встаетъ*). Охъ, батюшки, ноги отнялись. (*Падаетъ*). Охъ, ноженька! охъ, ноженька! Охъ, охъ! Да подыми же ты, песъ старый!

Андрей. Нѣтъ, лежи, старая, мягше будешь!

Федосья. Подыми же, да ну-же!.. Лѣшій ты дери. Охъ, ноженька!

Андрей. Лежи, лежи, авось поумнѣешь!

Федосья (*силится встать*). Охъ, не встану, охъ, батюшки! Да ну-же, Андрей, ну-ка, свать, пожалуйста!

Андрей (*добродушно*). Аль поднять?

Федосья. Охъ, да ну-же, скорѣче! ровно мурашки по тѣлу пошли.

*) Вся эта сцена ведется въ ворчливо-добродушномъ тонѣ, безъ всякой злобы).

Андрей. То-то вотъ оно: мурашки! То-то вотъ, старая!

Федосья. Ну-же! Да ну-же, сваточекъ, миленькій!

Андрей. Ну, берися руками за шею. (*Старается поднять ее одной рукою*). Ну-ка, крѣпче, какъ молода была, дружка обнимала....

Федосья. Сватъ, обмираю, въ глазахъ помутилось.

Андрей. Ну-ка-ся, ну-ка! Эхъ!.. сваха-а! Вся цѣна намъ съ тобою семитка! Я безъ рукъ, ты безъ ногъ, только даромъ хлѣбушко ѣдимъ....

(*Мимо оконъ проходитъ Филька съ компаніей, бѣшено наигрывая на гармоніи: „Душа-а моя душенька“*).

Федосья (*громко*). Филюшка, сынокъ!

(*Компанія проходитъ мимо*).

Андрей. Филюшкѣ не до тебя таперь, мать! Нешто имъ досугъ за стариками смотрѣть! Это намъ досугъ было народить ихъ, да всю силушку съ ними повымотать, а имъ некогда съ нами сидѣть! Такъ то-ся!А вотъ на-косъ лучше я тебѣ кафтанишко свой подстелю; клади голову, вотъ такъ, да и полежи, пока молодка прійдетъ, она тебя на печь посадить. ...То-то сваха! Пора бы косточкамъ на мѣсто!!

Федосья. Пора! Часъ мой, видно, насталь!

(*Занавѣсъ*).

Д ѣ й с т в і е 3-е.

(Сцена представляет ту же избу).

Явленіе 1-ое.

Өедосья, Кума и Алешка.

Өедосья (*лежитъ на лавкѣ*). Вотъ такъ-то, кума, скоро мѣсяцъ лежу. Какъ тогда упала, такъ ужъ и не встала больше; все нутрѣ горитъ, ни живота, ни смерти Богъ не даетъ.

Кума. И диковинка, кума, что это съ тобой!

Өедосья. По грѣхамъ, кума!

(*Входитъ Алексѣй, Өедосья миновенно оборачивается къ нему*). Филюшка пришелъ?

Алешка. Нѣтути! Сказывали же тебѣ, что нѣту!

Өедосья (*тяжело вздохнувъ*). Господи! Не обидѣли-ли его?

Алешка. Чортъ его обидить! Такъ, гдѣ-нибудь слоняется. Третью недѣлю шатается, и чѣмъ онъ живъ, шутъ его знаетъ!

Кума. Да куда-жъ онъ это дѣлся?

Алешка. А вотъ, какъ вы у насъ были, съ самого съ праздника запилъ онъ тоды, да съ той поры и крутитъ, гдѣ день, гдѣ ночь. Кое-кто изъ нашихъ видали его. Рваный, говорятъ, пьяный. Не пойду, говорить домой, галда надоѣла.

Өедосья. Видитъ Богъ, кумушка, сократила ли я свое сердце! Никому ужъ ни слова. Чего-жъ онъ не идетъ?

Кума. Ну, прощай, кума. Коли увижу твоего Фильку, распалю—только держись!

Өедосья. Пожалуйста, кумушка, коли уви-

дишь, вели ему домой итти; скажи: „Мать, молъ, тебя зоветъ, Христомъ Богомъ просить!“

Кума. Сама ты, Ѳедосья, виновата. Тѣхъ сыновей, куда строго вела, а этотъ, крестникъ-то мой, одинъ у тебя отъ рукъ отбился, слово сказать ему боишься.

Ѳедосья. И то боюсь! Это ты правду говоришь.

Кума. Ну, и не пеняй таперь!

(Уходитъ).

Явленіе 2-ое.

Ѳедосья и Алешка.

Ѳедосья. Ликсѣй, подь сюда! *(Алешка подходитъ).* Гдѣ бабы?

Алешка. Какъ гдѣ! на полѣ!

Ѳедосья. И молодка?

Алексѣй. Уляшка квасъ наливаетъ. Пообѣдали сичасъ. Вотъ боченокъ квасу нальемъ да и опять поѣдемъ. А тебѣ что?

Ѳедосья. Не ѣзди, Ликсѣй!

Алешка. Что такъ?

Ѳедосья. Ну, молодку оставь дома.

Алешка. Аль тебѣ не хорошо?

Ѳедосья. Не знаю, что-то тошно мнѣ, сонъ я видала. Отецъ твой, покойникъ, на плоту стоитъ, а я будто по евту сторону коня поить привела. А онъ эдакъ будто руку протянулъ и говоритъ: „Иди сюда, Ѳеня!“

Алешка. Ну что-же, матушка! Мало ли что снится!

Ѳедосья. Нѣтъ, Ликсѣй..... послушай ты меня...

Алешка. Ну, Уляшку пожалуй оставлю, а самъ поѣду; нельзя: народъ не пимши въ полѣ

сидить. А то можетъ и Уляшкѣ ѣхать? Водицы мы тебѣ поставимъ, напьешься, а то и старикъ подастъ.

Федосья. Нѣтъ, ужъ пусть молодка останется!

Алешка. Ну что-жъ! (*Кричитъ въ дверь*) Уляшка, матушка зоветъ!

Явленіе 3-е.

Федосья, Алешка и Уляшка.

Уляшка (*входитъ*). Чего тебѣ?

Алешка. Матушкѣ неможется—останься съ нею, а я поѣду. Квасу налила?

Уляшка. Тамъ боченокъ на погребѣ, самъ возьмешь!

Алешка. Ну, прощайте! (*Уходитъ*).

Явленіе 4-ое.

Федосья и Уляшка.

Федосья. Сядь близь меня, Уляшка.

Уляшка. Чего тебѣ, матушка, можетъ испытъ хочешь?

Федосья. Ну дай!.... Нѣтъ, не надо.

Уляшка. Аль обернуть на другой бокъ?

Федосья. Нѣтъ, нѣтъ, не то. Да не гляди ты на меня такъ, дура! Отвернись, въ окно гляди... твое дѣло молодое.

Уляшка. На кого же я глядѣть стану: всѣ люди на работѣ.

Федосья. На мужа гляди, на свою зазнобушку. Вы вѣдь обмираете другъ объ другѣ! небось, таперь жрать не станеть, что одному безъ жены ѣхать пришлось!

Уляшка. А ты бы на насъ еще радовалась!

Федосья. Тебѣ то, конечно, весело, а матери каково? Ты вотъ роди своего, да выкорми, выходи, возрости, жени, да тогда и радвайся на него, вотъ, какъ я на Алешку, на твоего, когда онъ въ сутки одного разу не вспомнить, есть ли у него мать, нѣтъ ли, пила-ль она, ѣла ли, аль голодомъ сидить?

Уляшка. Напрасно, матушка; онъ тебя любить... *(Смотритъ въ окно и напѣваетъ):*

„Подъ осинкой дѣвка рыжички брала,

„Она брала, брала, побирывала.

„Ай ли, ай люли, ай люли.....

(Слышенъ стукъ тѣлги).

Федосья *(встрепенувшись).* Филя ѣдетъ?

Уляшка. Нѣтъ, мимо!

Федосья. Все мимо, да мимо! Кто ни пройдетъ, ни проѣдетъ, ровно клокъ отъ сердца мнѣ оторветъ. Томно мнѣ, молодка, тяжело мнѣ, разговори меня.

Уляшка. Чѣмъ я тебя разговорю?

Федосья. Про мужа расскажи, крѣпко ли онъ тебя любить.

Уляшка. Ты все свое. *(Отвертывается и продолжаетъ пѣть):*

„Она брала, брала, побирывала,

„Ничего въ лѣсу не слыхивала!

Федосья. Ну, что ты поешь! Аль тебѣ весело?

Уляшка. Неужто же нѣтъ?

Федосья *(помолчавъ).* А ты Филюшку за что не любишь?

Уляшка. Кто его не любить—его вся деревня любить, даромъ балмошный, Алешкѣ пара.

Федосья. „Не милъ ей“, говоритъ.

Уляшка. Какъ деверь милъ бываетъ, такъ и онъ мнѣ милъ.

Өедосья (*грозитъ ей пальцемъ*). Смотри молодка, если ты мнѣ парня до зла-горя доведешь, если онъ черезъ тебя что ни на есть надъ собою сдѣлаетъ.... я тебя и послѣ смерти найду.... ногтями могилу разрою.... да вылѣзу....

Уляшка. Матушка.... что ты говоришь, эпомнись. Къ чему ты меня обучаешь!

Өедосья. Ни къ чему я тебя не учу, а только говорю тебѣ: одного сына ты у меня отняла, другого не дамъ, хошь жива буду, хошь издохну..... не отдамъ. Чтобы и онъ мать съ сударкой сравнялъ! Не бывать этому, никогда.

Уляшка. Господь съ тобой! Нешто я двумужница! Будетъ съ меня Алешки.

Өедосья. Будетъ, не будетъ, мнѣ все одно. Только помни: не доводи ты мнѣ парня до зла-горя. Не даромъ вы меня вѣдьмой ругали. Гробова доска меня не сдержитъ, прійду, задую....

Уляшка (*хнычетъ*). Нешто я виновата. Ему говори не говори, все свое несетъ, все лѣзетъ.

Өедосья. А ты на него не серчай: молодо-зелено. Младенецъ вѣдь еще, какъ есть глупый.

Уляшка. Тебѣ-то, знамо, мать, тебѣ онъ вѣкъ младенцемъ будетъ, хошь борода до колѣнъ вырастетъ.

Өедосья. Молода ты еще смѣяться, погоди сама матерью будешь.Подыми меня! (*Уляшка съ трудомъ усаживаетъ ее*). А гдѣ бабы? Позови мнѣ ихъ.

Уляшка. Да онъ вѣдь на полѣ.

Өедосья. Мнѣ хошь бы одну Татьяну, а евту, мозглявку, Богъ съ ней, не надо!...

Уляшка. Да нешто ты не слышишь, на полѣ онъ!

Өедосья. Ахъ ты, горькая моя головушка! Господи, грѣхъ какой!

Уляшка. Да на что тебѣ ее?

Өедосья. На что, на что! Знаю на что.

Уляшка (*опять напѣваетъ*):

„Ничего въ лѣсу не слыхивала,

„Только слышно парень съ дѣвкою гулялъ!“

Өедосья. Молодка, а молодка!

Уляшка. Ну, что тебѣ?

Өедосья. Хоть тебѣ хочу покаяться! Мучить меня грѣхъ великій!

Уляшка. Какой такой грѣхъ?

Өедосья. Яйца меня мучать.

Уляшка. Какія яйца?

Өедосья. Филюшкѣ тихонько пекала. Бывало первое яичко все ему, батюшкѣ; когда парочку, когда троечку спеку.

Уляшка. Чтожъ такое! Кто же старше тебя въ домѣ былъ? Что хотѣла, то и дѣлала....

Өедосья. Еще одинъ грѣхъ меня мучаетъ.

Уляшка. Скажи, облегчи себя.

Өедосья. Еще какъ Татьянины дѣвки махонькія были, а я дома бывало, останусь, печку топить. Я ребятамъ всѣмъ бывало кашку на молокѣ сварю, а то и водицы подолью, а Филюшкѣ на однѣхъ сливочкахъ. Охъ, грѣшница я передъ Богомъ, и что мнѣ только будетъ на томъ свѣтѣ за этотъ грѣхъ! (*Вздыхаетъ поникнувъ головой*).

Уляшка. Это что за грѣхъ! (*Отворачивается и поетъ*):

„Онъ гулялъ, гулялъ погуливалъ,

„За бѣло лицо похватывалъ!“

Өедосья. Молодка, да позови же ты мнѣ Филюшку.

Уляшка. Ахъ, матушка, да нѣту-жъ его!

Өедосья. Все нѣту, да нѣту, гдѣ-жъ онъ?

Уляшка. Да кто-жъ его знаетъ! Ужъ я что

думаю, матушка, не дала ли ты ему денегъ тихо-молотъ? А то на что же бы ему гулять-то!

Өедосья. Я? Денегъ ему дала?..... Да околѣть мнѣ безъ причастія, коли ежели я ему гривеникъ дала. Гдѣ ты у меня деньги видѣла, а?

Уляшка. Ну, Богъ съ тобой! Не давала, такъ не давала! Я *такъ* думала, что безъ денегъ на что же бы ему кутить?

Өедосья. Молодка, послушай-ка!... Христомъ Богомъ я тебя прошу, позови ты мнѣ его, на одну секундую! Скажи: „мать благословить хочеть!“

Уляшка. Чудна же ты, покойница! Нешто онъ у меня въ карманѣ, что ли, твой Филька, что ты пристала не съ короткимъ: „вынь да положи, вынь да положи тебѣ его“.

Өедосья (*пристально взлядываетъ на Уляшку*). Вонъ какъ кричать стали на лютую, на свекровь-то, на змѣю подколодную, на вѣдьму. Слава Богу, рукъ и ногъ рѣшилась, можно на нее по собачьи вякать.

Уляшка. Матушка, прости ты меня, виновата.

Өедосья. Ничего, кричи! Твой часъ! Мнѣ подъ гору, а тебѣ въ гору!... Въ глазахъ мутно!... Гдѣ же Татьяна, я бы только прощенія у ней попросила, виновата я передъ ней за ребятъ.

Уляшка. Прійдетъ она, матушка, прійдетъ. (*Въ сторону*). Боже мой, какъ у ней въ груди хрипнуть..... Неужто она кончается!

Өедосья. Слушай, молодка, пусть меня дѣти похоронятъ какъ слѣдуетъ, слышишь, съ выносомъ, поставники пусть возьмутъ изъ церкви. Вотъ тутъ одну поставьте свѣчу, а тутъ другую, въ головахъ третью.

Уляшка. Богъ съ тобой, матушка.... поживи еще съ нами.

Өедосья. А ты душой то ужъ не вилай. Нешто тебѣ, какъ Филькѣ, галда не надоѣла?

Уляшка. Я покорюсь тебѣ, матушка, во всемъ покорюсь. Не помирайбезъ тебя хуже будетъ!...

Өедосья. А и то правда, что хуже будетъ!... Нѣтъ, молодка, полно шутики шутить! На что я вамъ?*(Пауза)*. Открой окно, я на кладбище погляжу! *(Уляшка открываетъ окно)*. Вонъ тамъ, подъ ракилкой, заройте меня, только Христомъ Богомъ прошу я васъ, чтобы не клали вы меня рядомъ со свекровьею. Всѣ она мои косточки перегложетъ во сырой землѣ.

Уляшка. Матушка, милая ты моя!

Өедосья. Сядь близъ меня. *(Обнимаетъ Уляшку одной рукой)*. Таперь ужъ ящеркой, да язвой никто не ругнетъ, по сундукамъ никто не полѣзетъ, и въ карманѣ никто шарить не станетъ. *(Отшатнувшись)*. Охъ, подступило! *(Уляшка плачетъ)*. Объ чемъ ты плачешь, дурочка! Вотъ ужъ, истинно, не чаяла я твоихъ слезъ обо мнѣ. Ну, таперь поверни меня на другой бокъ. Вотъ такъ! Я полежу.... мнѣ легко стало, а ты погляди не идетъ ли Фильюшка!

Уляшка. Хорошо, матушка! *(Идетъ къ двери, Алешка входитъ)*.

Явленіе 5-ое.

Өедосья, Уляшка и Алешка.

Уляшка. Ты что?

Алешка. Да воротился.

Уляшка. А что?

Алешка. Сердце что-то заболѣло. Думаю: не было-бъ чего, а ты тутъ одна—выпугаешься.

Уляшка. И то правда. Ужъ она тутъ безъ тебя прибирала, прибирала—и гдѣ у ней слова такія берутся, всю мнѣ душеньку истянула..... (*Жметъ къ мужу*). Спасибо, соколикъ, что вернулся, всѣ жилочки на мнѣ трясутся!... Не долго ужъ ей видно!

Федосья (*подымается на локоть, но, взглянувъ на Уляшку и Алешку горько усмѣхнувшись и махнувъ рукою, опять отворачивается*).

Алешка. Звала она меня?

Уляшка. Нѣтъ. Фильку все поминаетъ, да Татьяну, а больше никого.

Алешка. Я Степку Гарина послалъ на лошади, онъ боченокъ свезетъ и нашимъ повѣститъ: пріѣзжали бы на ночь домой. Да за попомъ надо бы послать. Она не поминала объ немъ?

Уляшка. Нѣтъ, только все каялась, что Фильку маленькаго тихомоломъ кормила.

Алешка. Она вотъ объ немъ сумлѣвается, а онъ, песъ эдакій, по слободкамъ, гдѣ-нибудь, шляется. Поди, Уляшка, пошли кого-нибудь за батюшкой, въ Юшково, онъ еще засвѣтло пріѣдетъ. Скажи „плоха“ молъ.

(*Уляшка уходитъ, Алешка подходитъ къ матери*).

Явленіе 6-ое.

Федосья и Алешка.

Алешка. Матушка, матушка, (*нагибается къ ней*) что ты скажешь своему сыну?

Федосья (*силится сказать что-то, но звуки выходятъ не ясные*).

Алешка. Скажи словечко... благослови меня!..

Федосья. Ступай..... къ своей..... Уляшкѣ..... вотъ..... тебѣ мое благословеніе.....

Алешка. Матушка, родная моя! Чѣмъ я тебя прогнѣвилъ, что у тебя слова ласковаго нѣтъ для меня? Аль у тебя одно только благословеніе и есть, что твоему Филькѣ безпутному?

Федосья (*быстро приподнимается при словѣ: „Филька“. Громко вскрикиваетъ*). Фильюшка, дитеночекъ мой! (*Ловитъ руками въ воздухъ, точно обнимаетъ кого, потомъ быстро отворачивается къ стѣнкѣ лицомъ и затихаетъ*).

Алешка. Утихла..... Аль уснуть хочетъ?.... Ночи-то вѣдь не спать. Не трожь, вздремнетъ!

Явленіе 7-ое.

Федосья, Алешка и Андрей.

Андрей (*входя*). А ты дома, Алешка?

Алешка. Да вотъ матушкѣ плохо.

Андрей. За попомъ бы.

Явленіе 8-ое.

Федосья, Алешка, Андрей и Уляшка.

Уляшка (*входя*). Кузьму послала.

Алешка. Мальченка онъ шустрый, мигомъ добѣжитъ. Только вотъ пойдетъ ли батюшка сейчасъ: сѣвъ у него нынче.

Андрей. Кабы знатъе, что въ самомъ дѣлѣ конецъ, а то потревожимъ мы батюшку, а она, опять, Христось съ ней, не захочетъ!

Уляшка. Что это она, какъ? Ни то въ самомъ дѣлѣ спать? Ты спишь, матушка? Озовись!

Алешка (*подходитъ*). Матушка, ты спишь? Уляша, что съ ней?

Уляшка. Не знаю! Глядитъ, а равно какъ не видитъ.

Алешка. Матушка, откликнись, Филька пришелъ!

Андрей (*подходитъ и нагибается надъ Федосей*). Что вы ее трясете? Она померла!

Алешка (*растерянно*). Что? А? Что ты ска-
заль?

Андрей. Приказала долго жить.

Уляшка. Да нѣтъ же, батюшка. Сичасъ вѣдь говорила.

Андрей. Ну чтожъ! И говорила, а теперь ужъ не заговорить..... Вотъ и слезка ужъ изъ очей вытекла, и потъ на лбу, и руки холодныя. (*Всхлипнувъ*). Э-эхъ, Федосьюшка! Что же это ты меня съ собой не взяла! Встань-ка!.... А я на твое мѣсто лягу!....

Алешка (*стоитъ надъ матерью схватившись руками за голову, потомъ съ крикомъ „Матушка, родительница“, падаетъ на лавку, осыпая поцѣлуями Федосины руки и голову*).

Уляшка. Алешенька, батюшка, уймись! Бо-
же милостивый, Алешенька!

Алешка. Уйди!! Тебѣ она злая свекровь бы-
ла, а мнѣ родимая матушка!

Андрей. Ну что ты такъ убиваешься сынокъ.
Къ мѣсту Богъ прибралъ. Всѣ тамъ будемъ!

Алешка (*причитаетъ*). Сударыня-жъ моя
матушка, да что же ты мнѣ ничего не сказала,
что же ты меня, моя родимая, не благословила
на вѣки вѣчныя!

Явленіе 9-ое.

**Федосья, Андрей, Алешка и Уляшка,
Петръ и Татьяна, Архипъ и Акулька.**

Акулька (*вбѣгая раньше всѣхъ*). Что, аль совсѣмъ?

Петръ, (*за ней*). Померла?

Андрей. Приказала долго жить!

Петръ. Царство небесное. А давно?

Андрей. Сичасъ, только что!....

Архипъ. Ты былъ при ней?

Андрей. Всѣ трое были.

Татьяна. Говорила что? Приказывала?

Алешка. Ступай, говорить, къ своей Уляшкѣ.... вотъ оно мое благословеніе.... Больше ничего и не сказала.

Архипъ. Отказала кому что?

Уляшка. Не знаю, не слыхала.

Петръ. Ничего про деньги не поминала что, молъ, Архипу, или Петру?

Уляшка. Ничего, ни слова объ деньгахъ.

Акулька. То то все грозила: нѣтъ вамъ отъ меня никому ничего.

Татьяна. Ключъ у ней долженъ быть. (*Шаритъ подъ подушкой*). Отойди, Ликсѣй, неспособно! (*Алешка отодвигается, ни на что не обращая вниманія*). Тебѣ, Ликсѣй, она объ деньгахъ не приказывала? Ключи ты не бралъ?

Алешка. А? Что?

Татьяна. Ключа-то вѣдь нѣтъ. Ты, Акулька, что ли успѣла?

Акулька. Гдѣ ужъ намъ съ тобой! Безъ насъ взяли, нѣтъ его у меня!

Петръ. Сказывайте.... у кого ключъ?

Акулька. У кого ключъ? У кого ключъ? Извѣстно у кого, у Уляшки, у бѣлой, у барыни, что ручки боится на работѣ вывихнуть. Она дома сидѣла да матушкину смерть подкараулила. У ней и ключъ.

Уляшка. Что вы, Богъ съ вами, я его и въ глаза не видала, какой онъ есть!

Архипъ. Значить у Алешки! Алешка, давай ключъ! (*Грубо трясетъ его за плечо*). Ключъ у тебя?

Алешка. Нѣтъ, нѣту. (*Къ бабамъ*). Обмытъ бы, пока не остыла.

Татьяна. Сичасъ, сичасъ, только ключъ то вотъ найти надо, да убрать, чтобы въ суетнѣ кому чужому не попался.

Архипъ. Эхъ! прозѣвали! гляди таперь вѣкъ изъ чужихъ рукъ! (*Громко*). Вотъ что Пѣтра, чѣмъ ключа-то искать, да еще найдется ли онъ, можетъ она его нарочно запрятала куда, давай замокъ сломаемъ. Вся цѣна ему грошъ! Да сичасъ, безъ грѣха, денежки, какія есть поровну раздѣлимъ, чтобы, значить, никому обидно не было!...

Уляшка (*робко*). Послѣ бы!... Гробъ бы надо! Похороните меня, говорила, хорошенько, съ выносомъ. Свѣчи поставныя велѣла изъ церкви взять.

Петръ. Ну, евто намъ не по карману... да еще много ли денегъ-то оставила!

Архипъ. Знамо! Да что толковать-то: сверхъ земли не оставимъ, похоронимъ!

Петръ, (*выдвигая сундукъ изъ подъ лавки*). Ломать что ли? (*Беретъ съ полки ножъ*)

Татьяна. Ужо, Петруша, лучше бы. Ты только замкомъ своимъ запри.

Архипъ. Что тамъ—ужо, ужо.... Ужо народъ нахлынетъ, растощать по клоку и не увидишь.

(*Возятся надъ сундукомъ*).

Татьяна. Что я тебѣ скажу, молодка.

Уляшка. Ну, говори.

Татьяна. Сходи-ка, покличь старухъ обмыть матушку.

Уляшка (*въ нерѣшимости глядитъ на нее*).

Петръ. Иди, дура! Мужъ здѣся, неужто-жъ мы что утаимъ?

Уляшка. Да я не то! (*Постоявъ минутку, уходитъ махнувъ рукою*).

Явленіе 10-ое.

Тѣ же безъ Уляшки.

Петръ (*ломаетъ замокъ, всѣ они роются въ сундукъ, толкая и отстраняя другъ друга*).

Петръ. Въ холстѣ нѣтъ-ли? (*Развертываетъ холстъ, который такъ и остается на полу*). Нѣтъ, ничего.

Татьяна. Вонъ узелышекъ. Тьфу! Раковыя шейки, небось, еще Филюшку поила,.... а я думала деньги!

Акулька. Стой, въ сарахванѣ, въ карманѣ нѣтъ ли чего? Въ солонку не положила ли?

Архипъ. Ничего! Копѣчки расколотой нѣту.

Петръ (*встаетъ съ полу весь багровый отъ досады*). Ни гроша! Ктонибудь раньше руку запустилъ! Да ты, баба, вѣрно ли видала?

Татьяна. Неужели-жъ я вру? Мнѣ хошь сейчасъ присягу принять!—Три сотельныхъ у ней видѣла, да сиріи у нея были; еще Филька какъ то пуконь мѣнялъ въ городѣ.

Архипъ. Сказать развѣ Филькѣ отдала?

Акулька. Кабы Филькѣ дала, онъ бы не смолчалъ, хвастнулъ бы! Извѣстно тебѣ, какой

онъ, ровно рѣшето съ водой, сичасъ все наружу выкажетъ.

Петръ. Значить Алешка взялъ. Больше некому. (*Грозно Алешкѣ*). Ну, братъ, скверно!

Алешка. Что?

Петръ. Не по Божьи!

Алешка. Что такое? Не пойму я.

Петръ. Ты что Оськой-дуракомъ прикидываешься! А? Что? Не пойму!... Ты деньги взялъ?

Алешка. Окстись, Пётра!

Архипъ. Мать и братьевъ обокралъ!

Алешка. Ей Богу же, нѣтъ!

Татьяна. Ты лучше отдай!... Мы по ровну раздѣлимъ.

Алешка. Да не бралъ я, что вы ко мнѣ пристали! Ни ключа, ни денегъ не бралъ и не видалъ. Богъ съ вами!

Петръ (*Андрею*). Ну ты, бездомовникъ, руку нагрѣлъ!

Андрей, (*усмѣхнувшись*). Одной рукой-то оно, конечно, способнѣй! Смѣхъ одинъ! Ну васъ къ Богу!

Петръ (*въ отчаяніи*). Да гдѣ же онѣ? Неужто ихъ вовсе не было?

Татьяна. Были, говорю были. Я еще въ окно глядѣла въ сумерки, а она считала ихъ на колѣняхъ.

Архипъ (*ласково*). Отдай, Алеша, право лучше будетъ, безъ ссоры.....

Татьяна. Грѣха на душу не бери!

Алешка (*нетерпѣливо дернувъ плечами, отвертывается*).

Петръ (*все громче и громче*). Да что же это ты, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаешь съ нами? А? Ты одинъ что ли ей сынъ, а мы пасынки? (*Выйдя изъ себя бьетъ Алешку по щекѣ*).

Алешка, (*утирая щеку*). Ты-то что дѣлаешь! (*Беретъ съ гвоздя полотенце и накрываетъ матери голову*). Не гляди на насъ, матушка!

Петръ (*лѣзетъ къ нему*). Нѣтъ, ты подай мнѣ ихъ, подай, говорю. Я тебя не пущу.

Алешка. Что я тебѣ дамъ?... Нѣтъ ихъ у меня?

Петръ (*цѣпляясь за него*). Куда ты ихъ дѣвалъ, мучитель!

(*Всѣ обступаютъ Алешку*).

Акулька. Отдай, безсовѣстный!

Татьяна. Подавишься вѣдь, кусомъ такимъ.

Архипъ. Не по твоей глоткѣ.

Алешка (*отстраняя ихъ*). Ради Христа, отстаньте: мать на лавкѣ лежитъ.

Петръ. Отдай, что ли! (*Хватаетъ Алешку за чубъ*).

Алешка. Ахъ вы, собаки! Да что-жъ это, ей Богу! Вотъ тебѣ деньги, чортъ! (*Толкаетъ Петра въ грудь—тотъ падаетъ на полъ*).

Алешка (*обращаясь къ матери*). Матушка, прости ты меня! (*Идетъ къ двери*). Пойти досточекъ поглядѣть для гроба!

Архипъ, (*останавливая его*). Нѣтъ братъ, этакъ нельзя!

Петръ, (*вскочившій на ноги*). Коли ты, да еще драться! (*Кидается на Алешку*). Вяжи, Архипка! (*Вяжутъ Алешку полотенцемъ руки за спину*).

Алешка (*обороняясь*). Братъ, Петръ, опомнись, что ты со мной дѣлаешь! Сичасъ народъ нахлынетъ, а ты меня вяжешь! Нешто я воръ?

Архипъ. Не слушай, Пётра, не пущай его. Таперь и вязать, а уйдетъ, тогда не сыщешь ни копѣйки.

Алешка. Братцы, родимые! За что же вы меня на всю деревню ославить хотите!

Петръ. Отдай деньги, и ступай. (*Привязываютъ его къ столбу возлѣ печки*).

Алешка. Матушка родительница, скажи ты имъ, покорыствовался ли я копѣйкой.

Татьяна (*скрестивъ руки*). И какъ тебѣ Алешка не стыдно, и какъ тебѣ не дурно. Не успѣла мать глаза закрыть, а ты воровать! (*Плюнувъ, отходитъ*).

Акулька (*даетъ Алешкѣ пинка ногою*). Да скажи же ты, аредъ, гдѣ деньги?

Андрей (*съ участіемъ, молча слѣдившій за всѣмъ*). Потерпи, Алешенька. Христось терпѣлъ, и намъ повелѣлъ. Коли ты чистъ, Богъ тебя оправитъ!

Алешка. Батюшка, неужто и ты на меня думаешь?

Андрей. Боже меня упаси! (*Подходя къ Ѳедосьѣ*). Мать, а мать, глянь глазкомъ, до чего ты свое дѣтище довела. Сама всадила въ провалище! Эхъ, Ѳедосья!

Явленіе 11-ое.

Тѣ же и народъ.

(*Въ избѣ постепенно собирается народъ. Слышны голоса: „Померла, Ѳедосья-то!“—Померла.—„Плачутъ сыновья-то?“—Нѣтъ.—„И бабы ничего!“—Чай, ради, денегъ то что заребутъ.—„Гляди ко-съ, гляди ко-съ, Алешка-то!“—Связанъ.—„За что?“—Убилъ!—„Что! убилъ?“—Кого убилъ?—„Старуху что ли?“—Знамо, старуху!—„Мать убилъ“.—„Ну что-жъ! И мать—коли денегъ прорва!“ Ахти батюшки! Пойти Ѳомкѣ сказать.—„Въ волость податъ“.*

*Явленіе 12-ое.***Тѣ же и Уляшка.**

Уляшка (*проходитъ мимо оконъ*).

Алешка (*стараясь развязаться*). Пётра, для Бога, пусти, Уляшка идетъ.....

Петръ. Уляшка? Пусть поглядитъ на своего, на сокола.

*Явленіе 13-ое.***Тѣ же, Уляшка и двѣ старухи.**

Уляшка (*входитъ со старухами*). Вотъ и старушки Божьи..... (*Увидавъ Алешку*). Господи, что это? (*Кидается къ нему*). Кто тебя, батюшка мой! За что? (*Хочетъ отвязать его*).

Петръ, (*отталкивая ее*). Не тронь! Не то самое скручу! Вонъ, еще столбъ есть! Карманники-шарлатаны!! (*Уляшкѣ*). За то связанъ, что воръ! Ну, да на воровъ Сибирь есть!

Уляшка, (*кидаясь къ Федосьѣ*). Матушка, скажи ты имъ! (*Трясетъ ее за плечо*). Гдѣ деньги? Деньги гдѣ?! Да скажи же ты, вѣдьма!.... Съѣла ты насъ обоихъ! (*Петру*). Братецъ, голубчикъ, ей же Боженьку, неповиненъ онъ ни въ чемъ!

Петръ (*усмѣхаясь*). А вотъ въ волости разберемъ!

Уляшка (*шатается и слабо вскрикнувъ*): „Свѣтъ ты мой, Алешенька!“ (*падаетъ на полъ*).

Алешка (*встѣмъ толпомъ рванувшись къ Уляшкѣ, обращается къ старухамъ*). Уведите вы ее, ради Бога, бабушки, милые вы мои!

Двѣ старухи, (*охая и кряхтя поднимаютъ Уляшку и уносятъ въ дверь*).

Андрей (*всхлипывая идетъ за ними, приговаривая*). Лебедушка моя бѣлая, что же это съ тобой случилось!

Явленіе 14-ое.

Θедосья, Татьяна и Петръ, Архипъ и Акулька, Алешка и народъ.

Петръ (*разспянно глядя на Θедосью*). Что же вы, бабы, распорядились, что ли?

Татьяна. Когда еще, дай вздохнуть! Видишь, сундукъ не убранъ. (*Начинаетъ съ Акулькой убирать вещи въ сундукъ*). Холсты, которые по тоньше мнѣ—у меня дѣвки на возрастъ.

Акулька. Вишь ты! Дюже ловка не кстати: поровну надо!

Татьяна. Нитокъ сколько бѣлевыхъ—продать можно!

Акулька. Ты что ли продашь? А денежки себѣ?

Татьяна. А то тебѣ бы всѣ?

Явленіе 15-ое.

Тѣ же и Филька.

Филька (*входитъ и останавливается у порога*).

Татьяна. Вотъ когда его черти приволокли!

Акулька. Гляди, мамушкинъ сынокъ, вонъ она, баловница-то твоя, на лавкѣ.

Петръ, (*язвительно*). Что! Ни въ мать, ни въ отца—въ прохожаго молодца! Аль за наслѣдствомъ пришелъ?

Филька (*уронивъ гармонію изъ рукъ, подходитъ къ матери и цѣлуетъ ее въ голову*). Матушка,

голубушка ты моя сизая, что же ты не подождала своего Филюшку!... Пропаль ты таперя Филька? (*Утираетъ глаза рукавомъ, потомъ подходитъ къ Алешкѣ*). Ты что, братъ, стоишь?

Алешка Мать обокралъ!

Филька. Что, обокралъ?

Алешка. Да, въ волость хотятъ. Выпорютъ, денежки изъ меня посыпятся!

Филька (*начинаетъ его развязывать*).

Петръ. Стой! Это ты при матери вольничалъ! Таперь я здѣсь старшой! Прочь, щенокъ паршивый!

Филька (*показываетъ Петру кулакъ, Петръ отступаетъ. Филька засовываетъ руку въ карманъ поддевки и вынимаетъ одну за другой мятые и грязныя кредитки, бросая ихъ на полъ*). На-те! Ёшьте! Лопни ваша кожа! Мнѣ мать ихъ давала, у меня они были—пять сотельныхъ было. Сотню ухнулъ—а евти чetyреста—ёшьте, собаки! Взы! Взы! (*Продолжаетъ развязывать Алешку*).

Петръ, Татьяна, Архипъ и Акулька (*наперерывъ бросаются подбирать деньги*).

Петръ. Подавай! Дай сюда! Всѣ ли?

Архипъ (*рветъ у него изъ рукъ*). Дай, ты сосчитать не съумѣешь.

Акулька (*изъ подъ рукъ выхватываетъ у Петра бумажку*). Что попалось то я мое! Нѣтъ, братецъ..... не рви, не дамъ, ей Богу, не дамъ! (*прячетъ деньги*).

Татьяна. Кусовница, проклятая! Щипанула таки! Да еще четвертную! Большекрома!

Акулька. Разговаривай!....

Алешка (*повѣсивъ голову, отходитъ отъ столба и садится на лавку къ столу, закрывъ лицо руками*).

Петръ. Четыре-ста, вѣрно! Это ты, Филька, молодецъ, что отдалъ. Ей Богу, молодецъ!

Филька. Не нуждаюсь, не хвали!

Архипъ. Ты, Филя, хошь онъ домъ то и нашъ, отцовскій, а не материнъ.... ты живи, мы тебя не гонимъ.

Филька. Еще бы! Кулакъ то у меня здоровый! Не вотъ-то скоро выгонишь! (*Вдругъ яростно*). Праликъ васъ расшиби! Чтобъ васъ задавило! Братку вы за что обидѣли? (*Обращаясь къ матери*). Правду ты, матушка, говорила, что душа-то у нихъ балалайка!

Петръ. А у тебя видно гудокъ, либо гусли! Дура ты! (*Алешкѣ*). А ты, братъ, пожалуйста, не обижайся на насъ! Самъ разсуди, хотъ кому доведись! Самъ знаешь: братъ братомъ, а свать сватомъ—а денежки не родня!

Явленіе 16-ое.

Тѣ же и Андрей.

Андрей (*всхлипывая*). Алешенька, батюшка, подь, тебя Уляша зоветъ..... подь къ ней..... Она сына тебѣ родила.....

Алешка (*упавъ головой на столъ, начинаетъ горько рыдать*).

(Занавѣсъ).

Т У Л А.

1883 года.

Августъ.

„НАСИЛЬНО МИЛЪ НЕ БУДЕШЬ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНКИ

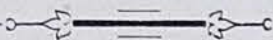
ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Александра Николаевича

ОСТРОВСКАГО.

Т У Л А.

Типогр. Соколова и Фортунатова, Кіевск. ул., д. Козловыхъ.
1895.

Дозволено цензурой. Москва. 7 іюля 1895 года.

„НАСИЛЬНО МИЛЪ НЕ БУДЕШЬ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНКИ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Дѣйствующія лица:

1) **Иванъ**, красивый мужикъ, лѣтъ 30 съ солдатскими ухватками. Хорошо играетъ на гармоніи. Вообще мастеръ на всѣ руки. Служитъ кучеромъ у помѣщика.

2) **Сашка** здоровая, разбитная деревенская дѣвушка, ходитъ на поденщину у того же помѣщика.

3) **Наталья**—жена Ивана, служитъ кухаркой въ другомъ семействѣ, одѣвается по русски, щеголевато, со вкусомъ.

4) **Авдотья** мать ея, круглая какъ шаръ старуха, суетливая, безпокойная, сварливая.

5) **Нянька**, степенная старуха, 60 лѣтъ, служитъ въ одномъ домѣ съ Натальей.

6) **Петръ**, дворникъ.

7) **Барыня**.

8) **Вася**, сынъ ея, 7—8 лѣтъ.

9) **Андрей**, дворникъ.

10) **Митревна**, кухарка.

(Дѣйствіе происходитъ въ Туль).

Д ѣ й с т в і е 1-ое.

*Явленіе 1-ое.***Иванъ и Сашка.**

(Сцена представляетъ, такъ называемую людскую. Въ правомъ углу столъ, вокругъ стѣны лавки, на лѣво печь; ближе къ зрителямъ, на лѣвой же сторонѣ, дверь въ каморку. На заднемъ планѣ дверь въ стѣну. По стѣнамъ полки съ посудой).

Иванъ *(въ безрукавкѣ и цвѣтной рубахѣ, сидитъ на лавкѣ и наигрываетъ на гармоніи).*

Сашка *(въ яркомъ сарафанѣ и кисейномъ фартукѣ, съ лентой въ косѣ, пляшетъ съ платочкомъ и приговариваетъ:*

„Эй, и ну-жъ, и ну-жъ, и ну-жъ!

Мой мужъ нехорошъ—да

Онъ на чорта похожъ.

(Смѣется, подходитъ къ Ивану и цѣлуетъ его). Черненькій глазокъ, поцѣлуй меня разокъ! (Беретъ у него гармонію и начинаетъ фальшиво играть).

Иванъ. У, косолапая, не такъ, *(показываетъ какъ надо играть).* Во! Слышишь! Вотъ какъ надо! *(Сашка опять фальшивитъ).* Ну тебя, брось, по уху деретъ! Дай, я. *(Играетъ „Прощай жисть, радость моя!)*

Сашка. Ваня, что я тебѣ скажу?

Иванъ. Что, моя канашечка?

Сашка. Всѣмъ, всѣмъ ты меня не обидѣлъ, а только шубы у меня нѣту. Кабы шуба была, была бы я дѣвка вся справна.

Иванъ. Дорога она, крытая-то. Сукно, овчина, работа. Рублей 20 встанетъ.

Сашка. Ишь ты, считаться сталъ! А бывало, что говаривалъ? Сашка, ты для менѣ и я значить для тебѣ! Вотъ какъ люблю: Скажи ты мнѣ: „Лѣзь, Ваня, зимой въ пролубъ“—полѣзу. „Выпей, Ваничка, замѣсто вина стаканъ карасину“—два хлопну. „Насыпь, Ваничка, жару за пазуху“—насыплю. Все это мнѣ, значить, ни по чемъ: пропадай моя душа, да люби меня Сашка.

Иванъ. Да нешто я тебя не люблю? Ну - скажи чего у тебя нѣту? Одной шубы? такъ до зимы еще далеко—заживу денегъ—справлю.

Сашка. То то, соколикъ, ты ужъ похлопочи. Мать то моя, самъ знаешь, отшатилаь отъ меня: „Сама говоритъ, свою голову загубила, сама теперь себя и обдумывай. Мотри, говоритъ, дѣвка, любить,-то люби, ну, и зѣвать не зѣвай!“

Иванъ (*насмѣшливо*). И то не зѣваешь. Дѣвка ловкая! Одной рукой дружка обнимаетъ, другой карманъ вытрясаетъ. Ты знаешь ли, я весь годъ въ тебя всадила, все свое жалованье, вотъ что ты мнѣ стала!

Сашка. А! Такъ тебѣ жалко. Тебѣ жалко? На, на, (*снимаетъ серги, бусы, рветъ ленту изъ косы*), все бери, кольцо бери. (*Тащитъ башмакъ съ ноги*) На, на! подавись!

Иванъ. Э! да будетъ тебѣ! Ну, что ужъ. Такъ вѣдь къ слову пришлось! Какъ ты меня урекнула, что мнѣ денегъ жалко.

Сашка. (*которая мало-по-малу все опять на себя понадыла*). Нешто я-то тяну съ тебя? Твоя

воля, хочешь—дашь, не хочешь не надо. Нешто я тебя просила въ банку класть? Самъ захотѣлъ, еще Христомъ Богомъ молилъ—возьми только! (*Дуется*).

Иванъ. Буде—миръ значить. Замиренные мы съ тобой. Флакъ, значить, бѣлый! (*Притягиваетъ ее къ себѣ*) Ну, цалуй крѣпче, будетъ шуба лучше Наташкиной, только люби крѣпче. (*Сашка садится съ нимъ рядомъ*). Вотъ погляди-ка, что тутъ у меня! (*Нагибается подъ лавку, вытаскиваетъ лубочный коробокъ и вынимаетъ изъ него рѣзную шкатулку*). Супризь тебѣ хотѣлъ сдѣлать, ну, да ужъ глянь, маленько не додѣлалъ, подкладку только подклеить.

Сашка. Ахъ! шкатулка! Мнѣ, Ваня, мнѣ? Ну что же ты у меня за хитрый, за дошлый! Да это въ магазинѣ такой не купишь!

Иванъ. Ну, вотъ! это тебѣ за то, что Ваньку любишь. (*Сашка тормозитъ его и цѣлуетъ*). Ну, будетъ, озарная, будетъ, ты меня задушила! Ой, ой, отстань, укушу! (*Хохочатъ оба*).

Сашка. Говорилъ: люби крѣпче, я и люблю! Ну, ладно. Кончай шкатулку, а я пойду полежу немножко, покедова самоваръ закипитъ, заморилась я нонѣ съ полами. (*Идетъ въ каморку, напѣвая: „Сохнетъ, вянетъ въ полѣ травка.“* (*Оглядывается въ двери*)). А я запрусь, а ты ко мнѣ не взойдешь! (*Смотритъ въ щель двери*).

Иванъ (*возится съ шкатулкой*). А я дверь съ петель сорву!

Сашка. А я въ окно выскочу!

Иванъ. А я ворота на запоръ, да Волчка спущу.

Сашка. А я черезъ заборъ да къ ахвицерамъ въ бесѣдку—они тамъ чай пьютъ—а ты и хло-

пай глазами. (*Иванъ глумо удивлено таращитъ на нее глаза*),

Сашка (*выбгнаетъ изъ за двери*). Ишь, губы растрепалъ. (*Бьетъ его легионько по губамъ*). Стрень, брень, гусельки!

Иванъ (*со смѣхомъ обнимаетъ ее*). А я ахвицеровъ твоихъ всѣхъ переколочу!

Сашка. А я городского да тебя въ часть.

Иванъ. А я изъ части убѣгу, да прійду тебя за косу оттаскаю.

Сашка. А я тебя въ озеро головой всажу. (*Идетъ въ каморку*).

Иванъ. Замолчишь ты, бубень, сорока рябая.

Сашка (*изъ двери*). А хоть я и рябая сорока, а меня Казаковъ пекаръ сватаетъ.

Иванъ (*грозно*). Что? Врешь?

Сашка. А я за него охотой иду. То-то раздобрѣю на булкахъ то, въ дверь не пролѣзу.

Иванъ. Буде тебѣ, зубоскалка. Замолчи, пока трепку не задалъ.

Сашка (*все также глядитъ изъ двери*). А пекаръ-то не тебѣ чета: хорошенькій, чернобровенькій, усики черные, не какъ твои рыжіе, какъ у кота, у Антошки, не лысый.....

Иванъ (*вспыливъ*). Сашка, дьяволъ, уходи покедова цѣла, а то встану, всѣ тебѣ уши оборву.

Сашка (*смѣется*). Фу-ты, ну-ты, боится тебя моя подошва! Охъ и люблю-жъ я тебя дражнить. Ррр.... ррр... цыма, цыма.... Ну, спокой ночи, сиди сколько хошь, я сплю. (*Притворяетъ дверь въ каморку*).

Иванъ (*клеитъ подкладку въ шкатулку*). Вотъ дѣвка, такъ дѣвка. Ни въ жисть эвакой не видалъ: полымя, чистое полымя! Хоть до ночи съ ней просиди—не соскучишься. Такъ вотъ и въетъ

и крутить. А что она бывало весной на огородѣ надъ другими дѣвками раздѣливала—ни въ жисть другому не вздумать, что ей, балмашной, въ голову взбредеть.... А гдѣ-то моя горюша Наташка! Все уздыхаетъ, да вянетъ, ровно трава кошоная. То-то кабы про Сашку знала, не такъ бы еще заныла. Ну, да чортъ съ ней! Вотъ съ дачи прѣдетъ, тогда держись, Ванька! А пока еще молодецъ на слободѣ. Съ весны гуляю. (*Напѣваетъ*).

Шашенька, Машенька!

Полинька, Наташенька!

Сашка (*глядитъ въ дверь изъ каморки*). Ау, Ваня!

Иванъ. Ау, моя краля!

Сашка. Сердце мое—мнѣ скушно.

Иванъ. Погоди, некогда.

Сашка. Ну, чортъ тебя дери, сиди одинъ, мурыга! (*) (*опять затворяется*).

Явленіе 2-ое.

Иванъ и Наталья.

Иванъ (*напѣваетъ про себя*):

„Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ

Сизый селезень плыветъ.—Эхъ!

Шашенька, Машенька,

Полинька, На.....

Наталья (*входитъ съ узломъ въ рукахъ*). Вотъ онъ, мой король! Сидитъ пѣсни играетъ! (*Иванъ, поперхнувшись на полсловъ, встаетъ совершенно растерянно*).

Наталья. Бѣгла, бѣгла, альни пятки гудутъ. На зарѣ вышла, а вотъ ужъ солнышко садится. Здравствуй, жисть, радость моя. (*Цѣлуются*).

(*) (Хмурый, надутый).

Иванъ (*переминается, обдеривается*). Здравствуй, Наташа. Аль съ дачи вернулись?

Наталья. Куда тамъ: до Покрова проживемъ; отпросилась; тамъ старушня за меня постряпаетъ. Мочи нѣтъ, соскучилась! Легко ли дѣло съ маю мѣсяцу не видались, а скоро первый Спасъ.—Три мѣсяца врозь живемъ. Охъ, уморилась! (*Садится*).

Иванъ. Аль взаправду три мѣсяца, что то больно скоро. (*Со страхомъ смотритъ на дверь въ каморку*).

Наталья. Не знаю: мнѣ долго показалось! Въ будни еще такъ, сякъ; съ горшками да съ чугунами возишься, проклятые цыплятешки развелись—все будто дѣло—толчешься, а въ праздникъ смерть скушно.

Иванъ. Ну, вотъ на радости давай чайку попьемъ. У меня ужъ и самоварчикъ палить. На-ка двугривенный, сбѣгай-ка въ пивную, винца возьми.

Наталья. Ну, ужъ нѣтъ, другъ мой, и такъ ногами не тронусь, 25 верстъ по жарѣ дула. Сбѣгай ужъ самъ, а я самоварчикъ поставлю. (*Раздвигается, подходитъ къ самовару и раздуваетъ его*).

Иванъ (*отчаяннымъ голосомъ про себя*). Вотъ когда Ванька въ пленку попалъ. Что теперь дѣлать! (*Громко Наталья*). Ну, и мнѣ не охота. Пошли-ка Петра, онъ тамъ на дворѣ дрова колетъ!

Наталья. Лѣнтюга! Ну давай (*беретъ деньги*), Твоя водка, моя пеклеванка. Петруша сбѣгаетъ, душа-парень! Я сейчасъ. (*Уходитъ, изъ стѣн слышенъ ея голосъ: Петра-у!*)

Явленіе 3-е.

Иванъ и Сашка.

Иванъ (*быстро отворяетъ дверь въ каморку, у двери стоитъ Сашка*).

Иванъ. Саша, ради Бога, спрячься.

Сашка. Куда, куда?

Иванъ. Хоть подъ кровать. Ужъ я ее въ трахтиръ посылалъ—не идетъ, „уморилась“ говорить, „ступай самъ“.

Сашка. Ну, да, какже! Выпусти меня.

Иванъ (*ее удерживаетъ*). Куда я тебя выпущу, она въ сѣняхъ стоитъ, прямо на нее наскочишь: „Ты, скажетъ, гдѣ была? въ Ваниной каморкѣ? Ну, ради Бога, лѣзь подъ кровать.“

Сашка. Что я тебѣ, кошка что ли, далась, подъ кроватью сидѣть?

Иванъ. Анделъ, голубъ, вѣдь идетъ, увидитъ. Въ сѣняхъ она. Да ну же, Сашка! (*въ сѣняхъ слышенъ голосъ Натальи*.) Прощай, жисть-радость моя.

Сашка. Идетъ! Ваня, ну что-жъ это!

Иванъ. Лѣзь скорѣй! (*Сашка прячется*). Глубже залѣзай: нога видна. (*Запираетъ дверь на ключъ и быстро отходитъ къ печкѣ*).

Явленіе 4-ое.

Наталья и Иванъ.

Наталья (*весело*). Ну радость моя, зацалую тебя нонѣ: (*жметъ къ нему*), ахъ ты мой купчикъ-голубчикъ (*перебираетъ рукой его щипочку отъ часовъ*) при часахъ, листократикъ*) ты мой!

*) Аристократикъ.

(ласкаетъ его рукой по лицу). Бородушка отросла. А какую я тебѣ рубаху вышила, у барина съ шелковой рубахи узоръ сняла! А что самоваръ? чуть теплый. Да что ты ровно не весель? А? Ванюшка?

Иванъ. Я ничего..... что ты? Такъ сонъ плохой видѣлъ.

Наталья. Ну его къ Богу—сонъ-то. На яву тяжко, а тутъ еще снамъ вѣрить. Я, баба, и то снамъ не вѣрю. Посмѣюсь утромъ, да и шабашъ. Мало ли что приснится.

Иванъ. Сонъ то дюже плохой... .. будто ты померла, а меня на другой женить хотятъ.

Наталья. Ну, ну и что-жъ? Ты - то что? Со всѣмъ моимъ, значить, вдовольствіемъ?

Иванъ. Нѣтъ, я быдто плачу.

Наталья. Побожись, плакалъ?

Иванъ. Ей Богу!

Наталья (обхвативъ его за шею, цѣлуетъ). Дура я, дура! Вѣдь это сонъ—а кабы на яву? Знаешь, Ваня, ежели я помру, ты не женись. Ей Богу, я съ того свѣту прійду, всѣ ей глаза, разлучницѣ, повыдеру.

Иванъ. Ревнива, шельма! Грѣхъ вѣдь.—

Наталья. Хоть расказни, а я тебя ни живого, ни мертвого никому не отдамъ.—Вотъ я какая! (Иванъ молча раздуваетъ самоваръ).

Наталья. Сколько времени мы съ тобой не видались, а ты меня какими рѣчами занимаешь! Лучше расскажи, что тутъ у васъ, какъ было. Мать мою давно не видалъ?

Иванъ. Приходила, вѣдьма старая.

Наталья За что ты ее ругаешь?

Иванъ. Какъ ее не ругать. Прійдетъ, намететъ-намететъ и нашимъ и вашимъ—всѣмъ достанется. Нешто это человѣкъ?

Наталья. Грѣхъ съ ней одинъ. А что при мѣстѣ она?

Иванъ. Сичасъ на мѣстѣ живетъ. Да что, ты погляди, трехъ дней не пройдетъ, заведетъ клязу—ее и въ шею. Вотъ пришла намедни, на меня осерчала, а и тебѣ досталось. Все вспомнила: и что было, и чего не было, и какъ ты солдаткой жила, пока я въ Аршавѣ былъ.

Наталья. А какъ я жила?

Иванъ. Говорить, съ бариномъ съ какимъ то познакомилась.

Наталья. Эхъ! мать, мать! и языкъ у тебя не отсохъ! Слушай, Ваня, не мнѣ вѣрь—а Богу. Мало что въ дѣвкахъ бывало, а какъ приняла я вѣнецъ съ тобою, не грѣхъ мнѣ на—Бога побожиться, не повинна я. (*Оглядывается*). Хотѣла перекреститься, а у тебя и образочка-то тутъ нѣтути—въ каморкѣ видно. Да что жъ ты дверь заперъ? Аль уходить собираешься?

Иванъ. Щенокъ тамъ у меня, Цендеръ, запертъ.... баринъ велѣлъ къ старой барынѣ отнести, такъ я насилу поймалъ его и заперъ, боюсь уйдетъ опять.

Наталья. Ну, пусть его, пусть. Надо на столъ собрать. (*Подходитъ и замѣчаетъ шкатулку*). Родимыя-жъ мои матушки! Да что-жъ это я, слѣпая-то, и не вижу. Шкатулка-то какая? Это ты выпилилъ? Ай да Ваня! Мнѣ, голубчикъ, али на заказъ? Миленькій, ты ужъ другую на заказъ сдѣлай, а эту мнѣ. Вотъ сюда зеркальце вставь, а я утромъ-то умоюсь, да передъ нимъ височки приглажу и платочекъ повяжу.

Иванъ. (*недовольнымъ тономъ*). Наказъ было сдѣлано; барыня Димитревская заказала; ну, да какъ знаешь!

Наталья. Жалко тебѣ? Ну, не жалѣй, твои руки золотыя—еще выпилишь. А я то тебѣ какую рубаху вышила. (*Вынимаетъ рубашку изъ узла*). Три недѣли спину гнула надъ ею для тебя, соколикъ.

Явленіе 5-ое.

Наталья, Иванъ и Петръ.

Петръ. Что, скоро я сбѣгалъ? (*Ставитъ на столъ бутылку водки и кладетъ хлѣбъ и баранки*). Еще разъ Наталья Ивановнѣ мое почтеніе! Ахъ, лимончикъ въ карманѣ позабылъ.

Наталья. Петру Мосѣичу наше нижающее. (*Хлопочетъ съ посудой, которую снимаетъ съ полки, чай и сахаръ беретъ изъ стола*). Просимъ чайку съ нами откусать. Ну что-жъ, Ваня, хороша рубашка?

Иванъ. То есть, вотъ какъ хороша: надо бы лучше—да некуда. (*Вертитъ рубаху въ рукахъ туда и сюда*).

Петръ. Вишь ты, нарядить во что не знаетъ. Жисть тебѣ, братъ, за эвтакой, за бабой, помирать не надо.... Аль-ни завидки берутъ.

Наталья. А вотъ и самоваръ готовъ. (*Иванъ ставитъ самоваръ на столъ*). А онъ-то мнѣ шка-тунку-то какую выпилилъ. Погляди-кась, дотошникъ мой.

Петръ (*удивлено*) Тебѣ? Ну, ну дѣла! (*Покачивается со смѣху*).

Иванъ (*толкаетъ его*). Безстыжіе зенки! (*)

Наталья (*наливаетъ три рюмки водки*). Петруша, кушай батюшка.

(*) Глаза.

Петръ. У кого въ рукахъ, у того и въ устахъ: кушайте вы.

Иванъ. Эхъ, рюмочка катокъ, покатись у ротокъ. (*пьютъ все трое и закусываютъ баранками. Наталья наливаетъ чай, Иванъ рѣжетъ хлѣбъ и лимонъ; садятся къ столу*).

Петръ (*дуетъ на блюдечко*). А я думалъ еще кому шкатушка. (*смѣется*). Ажно-ль супругъ постарался. А чаго у тебя, Иванъ Пятровичъ, коморка на замкѣ?

Иванъ. Щенка, Цендера, заперъ....

Петръ (*со смѣху поперхнулся чаемъ*). Щенка! Во какъ, а не жаръ птицу?

Наталья. Нехорошо, Петръ Мосѣичъ, людей на смѣхъ подымать. (*Подозрительно смотритъ на мужа и Петра*). Какая такая жаръ птица? Ваня, подай ключъ!

Иванъ (*смущенно*). Я самъ (*отпираетъ дверь въ каморку*). Цендеръ, Цендеръ! Ну вотъ, гляди, вишь подъ столомъ лежитъ. Видѣла? Нешто я, братъ, могу соврать?

Петръ (*Ивану*). Изворотливъ, чортъ. То есть вотъ какъ: изъ воды сухъ вылѣзетъ. (*Иванъ запираетъ опять дверь*).

Петръ. Ну, покорно благодаримъ; стаканчикъ выпилъ. Пойти дрова доколотъ!

Наталья. Еще бы стаканчикъ; посидѣлъ бы съ нами, Петруша.

Петръ. Попозднѣй зайду, вотъ и Митревна отъ дочки прійдетъ, и Дуняша прійдетъ.... тоды.

Наталья. А я и не спрошу, гдѣ-жъ она?

Петръ. Съ барышнями въ Прудное поѣхали, къ ужину назадъ будутъ. Тогда и чайку попьемъ, какъ слѣдоваетъ, а теперь некогда. (*Уходитъ*).

Явленіе 6-ое.

Иванъ и Наталья.

Наталья (*помолчавъ*). Ваня, а Ваня! Что онъ все тебя цѣпляетъ? Какая такая жаръ-птица, скажи, не мучь.

Иванъ. Да нешто ты его, зубоскала, не знаешь? Ему все смѣшки.

Наталья. Скажи, родной мой; вѣдь ужъ и такъ до меня слухи доходятъ; да только я сердцемъ крѣплюсь, не хочу вѣрить всякой брехнѣ! Много, много на тебя, Ваня, наговариваютъ, да не хочу я имъ поддаваться, съ тѣхъ поръ, какъ родная мать меня намедни съ тобой было въ остылицу ввела.....

Да что же ты молчишь, тебя спрашиваю.

Иванъ. А что мнѣ говорить то? Ты на меня серчаешь, а за что? И такъ не вижу я себѣ (*) отлогъ души ни на минуту, ни въ будни, ни въ праздникъ. И кучеръ я у барина, и садовникъ, и плотникъ: карантасъ ему намедни дѣлалъ. Ночь прійдетъ,—упанешь какъ чурка, да и спишь то, ровно помрешь. Отдыху нѣтъ ни на часъ, а тутъ еще ты на меня плетешь.

Наталья. Другъ ты мой, не я плету, люди говорятъ. Люди врутъ и я вру. А только пріѣзжалъ намедни вашъ огородникъ къ намъ; онъ и у нашего барина садъ снялъ, такъ яблоки пріѣзжалъ обирать. „Ты что“ говоритъ, Наталья Ивановна, за мужемъ-то не глядишь? Ты за его Богу отвѣчать будешь!—„А я,“ говорю, чѣмъ виновата, мужъ оцъ мой, а умъ у него свой.—„Истре-

(*) Отдыхъ.

нался онъ“ говоритъ, совсѣмъ, сударку себѣ завелъ, дѣвку молодую; прожженная дѣвка, лихая. Треплется съ ею по трактирамъ, да по Кремлевскому; въ праздникъ на кладбище ко „Всѣмъ Святымъ“ гулять ходють. Ужъ баринъ, говоритъ, на него серчать сталъ. Кабы онъ, говоритъ, не мастеръ на всѣ руки, давно бы, говоритъ, его въ шею проводилъ.—„Опять таки, говорю, я тутъ не причинна“. Такъ онъ меня обругалъ. „Дура ты, гсворить, дура, знаешь ты весь его отродокъ безпутный, знаешь человѣкъ онъ слабый, тащила бы его въ деревню. Небось, кабы приставила ты его къ землѣ, да обломалъ бы руки—ноги на пашнѣ, такъ онъ бы мѣсту былъ радъ отдохнуть, а не то, что дѣвокъ подманывать. Вотъ что, Ваня(*Молчатъ*).

Иванъ. (*прищуривъ одинъ глазъ*). И сказывалъ онъ, кого я подманулъ?

Наталья. Нѣтъ, говоритъ не скажу. Ступай сама, какъ ни можно скорѣй въ Тулу, тамъ все узнаешь. А я знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю; мнѣ что мужа съ женой растривать „Мать передать велѣла“....

Иванъ. (*встаетъ съ сердцемъ*). А, опять мать, опять старая вѣдьма! (*подбоченивается*). Ну что жъ. Слѣдить за мной пришла? Выпытывать, Что-жъ! дознавайся!

Наталья. Нѣтъ, Ванюшка. Кипѣло у меня сердце, вотъ какъ кипѣло: хотѣла я тайкомъ черезъ людей развѣдать всю правду. А тутъ тише, тише, сошло съ меня зло. Какъ вспомню намеренный скандалъ, да разстройку—и все вѣдь по пустому, нѣтъ, не хочу болѣ. Скажи, самъ ты мнѣ скажи, любишь ты кого помимо?

Иванъ. Да что ты ко мнѣ пристала: любишь, любишь? Вонъ щенка Цендера страхъ люблю.

Наталья. Нешто о псу говорятъ?

Иванъ. Братовъ люблю, бабу старуху, потому воспитала меня.

Наталья (*обидчиво*). Да ты что дурака строишь! Вѣдь понимаешь, что у тебя спрашиваютъ.

Иванъ. Дѣвокъ, бабъ люблю, когда онѣ веселыя, пляшутъ, пѣсни играютъ. Что-жъ, рви меня зубами, а я свой карахтеръ не брошу. Люблю пошутить, посмѣяться, а тебѣ это ножъ вострый: ты пахмурая, исподлобистая.

Наталья. А черезъ кого я пахмурая стала? Нешто я такая была?

Иванъ. Ну, ужъ конечно черезъ меня.

Наталья. Не то я ждала, какъ съ тобой золотой вѣнецъ принимала. Любила я тебя, Ваня, и сичасъ люблю, даромъ что ты отъ меня гуляешь, даромъ что въ гробъ меня скоро вгонишь.

Иванъ. Ну, пошла зуда зудѣть!

Наталья. А я думала: поживемъ мы съ тобой въ городѣ годокъ, другой, наживемъ копѣйку, а тамъ и въ деревню. Скотинку заведемъ, птицу—хрестыанствовать будемъ, какъ слѣдуетъ. Ты свое гулянье бросишь, а тамъ можетъ Господь оглянется на меня, грѣшную, и пошлетъ намъ на радость, на утѣху, хоть одного дитенка.

Иванъ (*презрительно*). Осьмой годъ жду, что отъ тебя отродится? Нѣтъ табѣ ничего—подъ парь, значить, пошла....

Наталья. Прогнѣвался знать на меня Господь! Всякая дѣвка безпутная, которая подъ заборъ дитя швыряетъ, либо въ Москву свезетъ, и той отъ-Бога дано, значить, матерью быть, а мнѣ, за грѣхи мои, нѣту радости! А ужъ я ли за ребе-

ночкомъ не ходила-бы! А можетъ и твой грѣхъ! кабы ты степенный былъ.....

Иванъ. Ну, извѣстно, у васъ, бабъ, завсегда мужья виноваты! (*съ досадой*). Ужъ отстала-бы ты отъ меня совсѣмъ, что-ли?

Наталья. Какъ совсѣмъ? Ваня, родной мой, какъ это совсѣмъ? Да какъ же я безъ тебя жить то буду? Нѣтъ, ты слушай, я вѣдь за тѣмъ и съ дачи пришла. (*Вертится около мужа, стараясь приласкаться, а онъ отстраняетъ ее*). Знаешь-ли, что я у своихъ господъ почти что разсчиталась. У меня скоплено рублей 70, да ты своего жалованья почитай что съ новаго года не бралъ. По 12 руб. въ мѣсяцъ сочти-ка. Ну, хоть что и потратилъ, все на первое время хватить. Ваня, другъ сердешный, поѣдемъ домой, въ деревню.

Иванъ. Не видали мы съ тобой деревни-то! Похлебали осметкомъ щей пустыхъ, слава Богу! Буде съ насъ.

Наталья. Не говори Ваня—все свой уголъ, самъ себѣ хозяинъ. А какую я икону купила въ новый срубъ—Матушка Казанская. Ликъ-то, ликъ нѣжный, умильный, кругомъ рама золоченая, сама барыня выбирала. И лампадочку къ ей купила нянька, какъ въ Алексинѣ ѣздила, розовую съ хуруимами. Затеплю вечеромъ передъ ею свѣчечку, да какъ гляну: возрадуется мое сердце, пану въ землю и молюсь, молюсь: „Матушка Казанская, верни мнѣ мого Ванюшку и пошли мнѣ сыночка. Хоть-бы поглядѣли мои глазунки, какъ мой Ванюшка сына няньчить будетъ“. (*Рыдая кидается на шею Ивану*).

Иванъ *растроганно*). У, дурочка, алыни меня слеза прошибла! Ну, буде, аль у тебя въ каждомъ глазу по бассейни?

Наталья. Нѣтъ, не перестану. Побожись ты

мнѣ, что поѣдешь со мной въ деревню. Къ Покрову мы вернемся съ дачи, барыня общала меня сичасъ-же отпустить, а ты хъ тому времени на свое мѣсто найди когонибудь.

Иванъ. Ишь ты, пряткая какая! Лѣто жили въ городѣ, а на зиму, не пахамши, не сѣямши, да въ деревню хлѣбъ ѣсть! Что-жъ, насъ братья дарма кормить станутъ?

Наталья. Свѣтикъ мой, поѣдемъ, въ ножки тебѣ поклонюсь. (*Иванъ ее останавливаетъ*). Уѣдемъ отъ грѣха! (*Хочетъ обнять его*).

Иванъ. (*останавливая ее, безливно*). Будетъ тебѣ, ну что прилипла. Ты бы вотъ къ матери сбѣгала; все-же, какая ни на есть—мать. А я въ аптеку пойду, баринъ наказывалъ зелькерской воды къ вечеру сифонъ взять, а тамъ щенка отнести надо.

Наталья. Такъ ты мнѣ ничего и не скажешь?

Иванъ. Тамъ потолкуемъ, авось и сговоримся, а теперь поѣдемъ.

Наталья. Давай мнѣ сифонъ то, я въ аптеку зайду, а ты щенка неси, вотъ мы всѣ дѣла-то сразу и обдѣлаемъ. (*Беретъ сифонъ и уходитъ*).

Явленіе 7-е.

Иванъ и Сашка.

Сашка (*выходитъ изъ каморки, отпертой Ивановъ, въ сильномъ волненіи садится на лавку и потупляетъ глаза*).

Иванъ. Сашутка, а Сашутка, скажи словечко! (*Трясетъ ее за плечо*).

Сашка. Щенокъ Цендеръ—я для тебя, значить щенокъ?

Иванъ. Санька, Господь съ тобой! Наде-же было врать-то что-нибудь.

Сашка. Подъ кровать загналъ, ровно кошку какую. То-то, оно-то, законъ. Жenuшка милая пришла—Сашку, значить, подъ лавку! Страмъ моей головушкѣ!

Иванъ. Санька, милая моя, какъ-же мнѣ было быть-то!

Сашка. И самоварчикъ, и водочка, пьютъ—гуляютъ, а Сашка въ три погибели согнумши подъ кроватью лежитъ. (*Подражая голосамъ Ивана и Натальи*). „Ваничка, ты что каморку заперъ?—Да у меня тамъ щенокъ Цендеръ сидитъ.—Не забуду я тебѣ этого щенка по гробъ жизни.

Иванъ. Сашка, ради Господа Бога, ну ты сама подумай.....

Сашка (*язвительно*). „Сонъ плохой видѣлъ, будто ты умерла, а меня на иной женятъ, а я плачу..... Плачетъ, во снѣ шерыхается объ закону. Хорошо-же, анаѣемская твоя душа, приди-же таперича къ Санькѣ, она тебя приметъ, она тебя приметъ, гостя дорогого, что тебѣ во снѣ не снилось такой радости.

Иванъ. Да дашь ты мнѣ слово сказать! Гудеть, ровно барабанъ въ молотилкѣ. Замолчи на сикунтую.

Сашка (*топнувъ ногой*). Ты долженъ предомною молчать! Ты скажи, на что ты меня нонѣ къ себѣ привелъ, ты зналъ, что она придетъ.

Иванъ. Ей Богу, не зналъ! Провалиться не зналъ!

Сашка. Ты меня на скандалъ привелъ? Чтобы она меня исколотила? Такъ вѣдь это еще кого одолѣетъ! Я тиха, тиха, покедова меня не зацѣпятъ, а тронь меня только, ну, сама пропаду, да ужъ и другому кому солоно прійдется.

Иванъ. Сашка, ты въ умѣ помутилась!

Сашка. Давно я помутилась, какъ рѣчи твои поганья слушать стала: скоро годъ будетъ—безъ ума хожу..... Что-же ты съ меня ума спрашивать сталъ?

Иванъ. Перестань! Не посадить-же мнѣ тебя съ нею рядомъ, не угощать-же, изъ одного стакана: всякому своя честь!

Сашка (*отталкиваетъ его*). Знамо, знамо! всякому своя честь! Мы шелками не вышиваемъ, по шести рублей жалованья не получаемъ, у насъ не золотыя руки. Мы за добраго молодца душу свою закладываемъ, ну, да душѣ-то нашей вся цѣна трынка. Потому намъ и чести на трынку, а кому другому на полтинку.

Иванъ. Господи! когда я отъ васъ двухъ отвязусь,—живого меня съѣли. Одна зуда зудѣла, теперь другая принялась. Лучше что въ банѣ упарили. (*Разстегиваетъ воротъ и жилетъ*).

Сашка. Сухорлявая, чахоточная, икону купила, поклоны кладетъ, сынка отъ Бога вымаливаетъ. Что-же, поѣзжай домой, живи съ Наташкой въ любви и согласіи. (*Садится на лавку и закрываетъ лицо руками*).

Иванъ. Сашка! а Сашка, вѣдь сказалъ не брошу, ну и не брошу.

Сашка (*вспыливъ*). Да что ты мнѣ зубы заговариваешь. Не семь годокъ, не вчера родилась! Ступай, ступай къ ней, и чтобы нога твоя у меня не была, и чтобы я тебя болѣе не видала.

Иванъ. Сашутка, опомнись, ну по твоему, скажи, какъ-же мнѣ было быть-то? Ну, научи....

Сашка. Какъ ему быть, несмысленному, научите, люди добрые. Своего ума у насъ недостача. А какъ Сашка-то отъ него по огородамъ пряталась,

онъ не спрашивалъ, какъ ему быть-то? Какъ съ гармошкой подъ окошкомъ стоять, отъ зари до зари, ни съ кѣмъ не совѣтовалъ, какъ у воротъ на дождю, на холодѣ, по три часа держать, у добрыхъ людей не спрашивалъ?

Иванъ. Милая моя, желанная, право слово, ну вотъ какъ я-жъ ей не радъ,... нечистый ее приволокъ.....

Сашка. Самъ не радъ, а шкатулку-то мою зачѣмъ отдалъ? Улестила, умаслила, и купчикъ голубчикъ, и золотой вѣнецъ—все прибрала, щука жареная....

Иванъ. Замолчи, дура.

Сашка. Ты мнѣ ротъ не замажешь: говорю, что хочу.

Иванъ. Что ты отъ меня хочешь? Вѣнчаться что-ли мнѣ съ тобой? Такъ я тебѣ не обѣщаль, ты знала, что я женатъ.

Сашка (*горько*). Да, я знала, что ты женатъ, знала, что мнѣ отъ тебя радости на денечекъ не будетъ. Все терпѣла, все вынесла, косого виду тебѣ никогда не подала. Что стыда приняла отъ добрыхъ людей! А отъ матери что бою было—это ужъ не въ счетъ. Думала, по крайней мѣрѣ милый другъ любить будетъ, какъ за него муку принимаю.... а онъ....

Иванъ (*кидаясь къ ней*). А онъ, ну, а онъ что? договаривай....

Сашка. А онъ жену выписалъ, потому знаетъ, такъ ее, Сашку то, не отцѣпишь: впилась она въ него всей душой; а жена-то, а законъ-то ее, ровно ужа какого, съ руки стряхнетъ.

Иванъ. Сашка, не доводи меня до зла. Нехорошъ я, когда мнѣ подъ сердце подступить. Я ее удушю безвинно-напрасно—Наташку-то.

Сашка. Не удушишь—недѣлька пройдетъ—приголубишь. Вамъ, мужикамъ—все едино, былабы баба. А Сашка-ль, Наташка-ль, все равно! (*Собирается уходить, Иванъ хватаетъ ее за руку*). Пусти, пусти меня! (*Больно бьетъ его по рукамъ*). Руки прочь, оставайся съ своей законной супругой! (*Уходитъ*).

Иванъ (*гнѣвно*). Ну погоди-жъ Наташка!

(ЗАНАВѢСЬ).

Д ѣ й с т в і е 2-ое.

Явленіе 1-ое.

(*Маленькая, щеголеватая кухонка съ плитой и посудой по полкамъ. Налѣво, въ углу, нарядная кровать съ ситцевымъ пологомъ. У стѣны на право два сундука, крытыхъ дешевыми ковриками; на полу дорожка; на двухъ окнахъ въ задней стѣнѣ бѣлая занавѣски. Между двухъ оконъ двери въ стѣну. Наталья сидитъ у стола, 'передъ остывшимъ самоваромъ*).

Наталья. Идетъ! (*прислушивается*). Нѣтъ, кто-то мимо проскрипѣлъ по снѣгу! Господи, съятаго часу жду: ужъ и чай отошелъ, и покушали господа, и самоваръ раза два разводила—нѣтути его. А обѣщаль прійти безпремѣнно.... Третью ночь не ночуетъ! Господи, Твоя воля! И за что онъ меня не любитъ? (*Смотрится въ зеркальце на стѣнѣ*) Похудала, съ лица спала. (*Достаетъ изъ стола губную помаду и мажетъ себѣ губы*). Вотъ тоже румянцу нѣту! (*третъ себѣ щеки кончикомъ своего шерстяного головного платка*). По-

худаешь, какъ на сердцѣ не спокойно. Только усну, забуду. А какъ только утромъ очнусь, такъ прямо хватить за сердце и пошло давить до самой ночи, пока не уснешь. А такая-ли я была, какъ замужъ шла? Полная была, румяная, веселая! И давно-ли дѣло было, любилъ-то какъ. Бывало домой бѣжить съ работы, еще съ улицы кричить: „Наташа-а?“ и цѣловать начнетъ, шутить.... А тамъ ушелъ въ солдаты, полтора года всего пробылъ въ Аршавѣ, билетъ вынулъ—вернулся, да ужъ все не то пошло. Гулять сталъ. Вотъ и теперь: все у Сашки, все у Сашки. И перечить не смѣй, и поминать не смѣй, и ругнуть ее не смѣй. Какъ чуть что—сичасъ схватить шапку—и только его и видали.—И когда же мы отсюда выкрутимся! Только бы мнѣ его въ деревню увезти, а тамъ ужъ забудетъ какъ-нибудь, опомнится. Да! Наташка! Куда твой характеръ дѣлся? Бывало ты ему: „цыцъ! молчать!“ а онъ и ходитъ передъ тобой на пальчикахъ, а теперь, чуть мало-мальски словомъ ошиблась, то и кулачки отвѣдаешь,—такъ садонетъ, недѣлю синякъ не сходить.... Разлучила Сашка мужа съ женой! Мало-ли парней въ Тулѣ, и умныхъ и красовитыхъ, нѣтъ, подавай ей женатого. И хоть-бы мнѣ ихъ когда застать вмѣстѣ! ужъ я бы отвела свою душу! чтобы моей душенькѣ хотѣлось, то-бы я ей отпѣла. Наплевала-бы ей въ глаза. Да нѣтъ, хитра шельма, такъ шмыганетъ, что и не поймашь. Ровно ужака изъ рукъ ускользнетъ: знаетъ—дѣло не чисто.

Явленіе 2-ое.

Наталья и нянька.

Нянька (*входитъ*). А ты все Ваньку ждешь? Не наскучило?

Наталья. Жду, няня, да не идетъ.

Нянька. А ты ничего, (*открываетъ камфорку на самоваръ*) самоваръ-то не приглушай, прійдетъ, авось.—Можетъ куды по дѣламъ послали, либо съ бариномъ куды поѣхалъ.

Наталья. Не прійдетъ онъ: небось съ Сашкой сидитъ! Нянюшка, матушка, тошно мнѣ, томно мнѣ. Вѣдь онъ меня обманываетъ, у глазахъ облыгаетъ. Чуетъ мое сердце—не поѣдетъ онъ со мной домой. Изсохла я, изтомилась.

Нянька. Погоди томиться-то, авось еще не сичасъ душа вонъ. Налей-ка мнѣ чашечку, никакъ зашумѣлъ самоваръ; это дѣвка, хъ позднему гостю. (*Наталья наливаетъ ей чашку*). Эхъ дѣвка, дѣвка, погляжу я на тебя—есть объ чемъ кручиниться! Ну, у Сашки, авось тебѣ не впервой ждать-то; и такъ рѣдко у тебя ночуетъ. У Сашки-ль, у Машки—наплевать; все-жъ тебя не минуетъ; гдѣ-бы ни шлся, а все къ закону своему оборотится.

Наталья. Да, а женѣ-то,—то то лестно: нацѣловавши, намиловавши съ Сашкой, да къ женѣ: разувай, раздѣвай его пьянаго, да ублажай всячески, да спать укладывай; а наранѣ (*) опять снаряжай во все чистое, какъ-бы къ милкѣ понаряднѣе пройтить. Мочи моей нѣту! (*Хватаетъ чашку и разбиваетъ ее объ столъ*)

Нянька. Дѣвка, ты очумѣла! посуду бить за-

(*) Поугру.

чала! Эдакъ ты и свое, и хозяйское добро съ сердцовъ перекрушишь!

Наталья. Сашку бы я вотъ эдакъ объ-уголъ головой, и самое себя, и Ваньку туда-же—не оставайся патраху ни отъ кого. То-то бы любо. (*Собираетъ осколки и швыряетъ ихъ въ уголъ*). Чтобъ косточки всѣ бурей по полю разнесло. Ты только уздумай, няня: скоро Рождество, а мы все еще канителится и господъ-то я своихъ вожу: то ухожу, то опять остаюсь. Вѣдь онъ меня надуетъ, вѣдь онъ не поѣдетъ—ахъ, чуетъ мое сердце, не поѣдетъ онъ.

Нянька. Шальная ты, дѣвка, и шутъ тебя разберетъ: сама ты, обу́та, одѣ́та, господа тебя любятъ, оглянись, гдѣ ты живешь, тебѣ-ли не хорошо жить? Сундуки у тебя добромъ наколочены. Да плевать, на него, на рыжаго пса: жила-бы себѣ, жила, не тужила. Пусть его по дѣвкамъ околачивается, а тебѣ нужно?

Наталья. Вотъ то-то и оно-то. Можетъ, кабы у меня объ лоскуту забота была, кабы у меня дѣти были, можетъ я объ емъ меньше сокрушалась.... а какъ все у меня есть: пить, ѣсть, одѣться: благодарю Господа Бога...

Нянька. Вотъ ты съ жиру то и бѣсишься! Сокруха (*) какая, мужъ гулящій! Жила-бы, жила, берегла-бы копѣйку про черный день.

Наталья. И такъ черный день насталь. Чего еще чернѣй ждать? Охъ, нянька, сколько тебѣ лѣтъ?

Нянька. Шестой десятокъ сравнялся.

Наталья. Ну, вотъ! (*Встаетъ и сладко потягивается*). А мнѣ всего 26. Нянюшка-голубушка, во мнѣ еще всѣ жилки говорятъ, а по тебѣ ужъ, небось, и кровь-то не ходить.

(*) Горе.

Нянька. И то, дѣвка, что-то кровь не грѣтъ. Налей-ка мнѣ еще чашечку. Все ноги зябнуть, на печку-бы теперь хорошо. (*Молчаніе*).

Наталья (*заломивъ руки на голову*). Старуха, а старуха, что я тебѣ скажу: жутко мнѣ. Поскорбѣй хоть ты обо мнѣ сердцемъ, будь замѣсто матери родной.

Нянька. Ну, ну, что ужъ тамъ, говори, какъ попу на духу—на міръ не вынесу... А что-жъ матери-то не откроешься?

Наталья. Что моя мать! Ей это на радость, когда мы поцапаемся. Она сама наровитъ насъ съ Ванькой посорить, а не то что молодого человѣка уму научить. Нянюшка, скажи, какъ мнѣ быть то, научи? Не стерплю я, не снесу обиды.

Нянька. Ну, что пустое хлещь; все стерпѣть можно. А какъ, бывало, мужья женъ бивали смертнымъ боемъ, да вѣдь терпѣли-же! А тебѣ мужъ во время домой не пришелъ—ты ужъ и не стерпишь.

Наталья. Ну, прійдетъ онъ, прійдетъ, что-жъ мнѣ отъ него радости? Коли и не пьяный, что съ него проку? Не витится (*) онъ во вовсе ко мнѣ. Завалится на кровать, обернется лицомъ къ стѣнкѣ, да такъ до утра и пролежитъ, какъ околѣтъ. А я ему утромъ и головку помаслю, и расчешу, и платочекъ у карманъ положу, и сапоги вычищу—всячески ему угождаю—а онъ все сопить, или наровитъ меня швыркомъ отъ себя.

Нянька. А ты балуй его больше на свою голову. Охъ, Ванька! И чтобъ тебя розорвало, да на маковыя зернушки.

(*) Югится.

Наталья, нянька и Иванъ.

Иванъ (*выпивши вваливается въ кухню*). Эй, молодая, кого это ты величаешь?

Нянька. Да тебя, старичекъ; ваше, мой батюшка, здоровьице.

Иванъ. За что-жъ это ты меня разорвать хочешь, да на маковыя зернушки?

Нянька. А за то: не заставляй жену ждать до бѣлой зари. Ишь, она тебя съ самоваромъ ждетъ съ кѣхъ поръ. (*Наталья озлобленно помогаетъ мужу раздѣться*).

Нянька. И гдѣ-же это ты, дитятко, по сихъ поръ богомольничалъ?

Иванъ. Фью! Отселева не видать, няня! (*Наталья*):

„Наши ужинать садятся, сумлѣваются объ насъ:

„Гдѣ отчаянны головушки шатаются у насъ?“

(*Обращается къ женѣ*). Наташка, тамъ, въ правомъ карманѣ, анпасе тебѣ къ чаю.

Наталья. Отъ Сашки обѣдки принесъ! Еще не наговорные-ли? Давись ими самъ.

Иванъ. Ну, ну, потише!

Нянька. Гдѣ былъ не видать, да по-духу слышать. Ишь винищемъ-то отъ тебя разить!

Наталья (*ожесточенно*). Настукался, налимонился, о, чтобъ тебя.....

Иванъ. Наташка, а ты помалкивай. Жена да боится мужа! Ну, выпилъ, не на твои вѣдь? у тебя не бралъ? Выпилъ въ кампаніи. (*Хочетъ сорвать со стола скатерку, нянька и Наталья его удерживаютъ*). Не видалъ я твоего угощенія!

плевать мнѣ на твою селедку, я сичасъ селянку какую ѣлъ, вишневку пилъ..... (*Садится на кровать*). Ну, жена, пляши. Слышь, чортъ, поварачивайся! (*Напѣваетъ пьянымъ голосомъ*).

„Ходи изба, ходи печь,
„Хозяину негдѣ лечь.
„Ходи печь, ходи груба,
„Ходи бабка беззуба“.

(*Смѣется*). Это ты нянька!

Наталья. Ты хошь опомнись немножко. Умойся, перекрестись, тогда и спать завалишься.

Нянька. Слушай, Ванюшка, что я тебѣ, мой батюшка, говорить буду: нехорошо ты дѣлаешь. Погляди-ка ты на свою бабу! Аль она у тебя слѣпая, али кривая, аль неукосырная какая? Кажется, бабочка за первый сортъ, а ты что дѣлаешь, а?

Иванъ. А что я дѣлаю? Я сказалъ: „прійду, Наташка“ и пришелъ.....

Нянька. Нѣтъ, ты бабу-то на кого промѣнялъ?

Наталья. На рыжую, конопатую, толстобокую!

Иванъ (*подымаясь*). Это кто же рыжая, кто конопатая?

Нянька. Наташка, не трожь его, пьянаго. Ну васъ, —еще раздеретесь (*Иванъ направляется къ Натальѣ, нянька его удерживаетъ*). Уйди, Наташка скройся!

Наталья. Брось, нянька, пусть его.

Нянька. Уйди, говорю, небось въ горницѣ все слышно!

Иванъ. Пусти, я ее поучу маленько.

Нянька. Не пущу. (*Толкаетъ Ивана обратно на кровать*) Садись, полштофъ проклятый! Ты жену, умницу, на дѣвченку безпутную промѣнялъ! ты думаешь, это тебѣ къ чести приписать, что

ты сударку-то себѣ завелъ? Да тебѣ всякъ въ глаза наплюетъ.

Иванъ. *(покойно)*. Ну, досказала? Все, али, еще что будетъ?

Нянька. Много-бы я тебѣ сказала, да что съ пьянымъ толковать.

Иванъ. Ну, вотъ что, нянька, я тебѣ скажу; ты не въ свои дѣла не встрѣвай, а ступай ты въ свою дѣтскую, объ тебѣ тамъ давно плачутъ. Я вѣдь только твою старость жалѣючи..... а то бы ты у меня отселѣ турманомъ полетѣла. Поэтому, твои рѣчи ни къ чему; *(стучитъ кулакомъ въ стѣну)* что вотъ этой стѣнѣ ты говорила, то и мнѣ. Не принимаю я твоихъ рѣчей, даже вниманія не желаю оборачивать.... Наташка! иди, шельма, супругу спать укладывай!

Наталья. Ты-бы глотку-то хоть чаемъ сполоснулъ, авось хмѣль сбило-бы.

Иванъ. Не желаю.... я у добрыхъ людей.... Эхъ, краля моя! наудоблетворился: *(показываетъ на горло)* вотъ по этимъ поръ. *(Валится на кровать; Наталья стоитъ надъ нимъ)*.

Наталья *(оборачиваясь къ нянькѣ)*. Вотъ, няня, и пришелъ, и дождалась. *(Прислушивается)*. Захрапѣлъ, готовъ. *(Горько улыбаясь)* Вотъ и пришелъ соколикъ мой, жисть-радость моя! Эхъ! *(Хватаетъ себя за голову)*. И на что ты меня, мать, на свѣтъ родила! *(Ложится головой на столъ)*.

Нянька. А ты не плачь! *(Задерживаетъ пологъ у кровати)*. Не гляди на пьянаго-то. Есть объ чемъ плакать, объ псу, прости Господи! Ишь на-свистываетъ, ровно гудокъ заводскій.

Наталья. Охъ, няничка, охъ, матушка, не стерплю я, къ сердцу подошло. Вѣдь онъ вотъ какъ меня любилъ, страшно любилъ.... Бывало

первый годъ, куда поѣдемъ, на телѣгу самъ сажаетъ, съ телѣги сымаетъ, ровно малаго ребенка. А ночку-то, ночку-то, всю на пролетъ не спимъ, не наговоримся, не наглядимся другъ на дружку! А чтобы эдакъ-то свиньей напиваться, да на драку лѣзть—ни Боже мой! Господи, да кто-жъ это мнѣ его испортилъ! Кто-жъ это на меня зло имѣеть? О.... охъ!! охъ, грустно мнѣ.... охъ, тяжело мнѣ! Нянюшка, я что-ни-то надъ собою сдѣлаю.... удавлюся я.....

Нянька (*хватаетъ съ плиты ковшъ воды и достаетъ три уголька*). Дай, дѣвка, я тебя съ уголька сбрызну. (*Брызгаетъ ей водой въ лицо и шепчетъ про себя*). Ну, теперь утрись, вотъ оно, полотенце. Сядь. Пусть его дрыхнетъ, а ты чайку выпей, ничего, что холодный.

Наталья. Не проглочу я, няня.

Нянька. А ты силкомъ; проглотишь; пей, пей, дитятко, понуди себя! (*Къ Ивану*) У, паровозъ проклятый, альни рычитъ—храпитъ.

Наталья. (*допивая чашку*). Охъ, нянюшка-матушка, пошли тебѣ Господи здоровьица, что ты меня не бросаешь. Не знаю я, что со мной дѣлается. Вотъ ужъ который день, какъ что накатило на меня. Жуть какая-то. Не повѣришь, стемнѣеть, боюсь въ сѣни выйти, ровно кто меня за ноги хватаетъ.

Нянька. И, что ты, дитятко! Перехрестись, это тебя лукавый смущаетъ. А ты молитву читай, да громко, да сотвори крестное знаменье—и страху не будетъ.

Наталья. Вотъ сичасъ, убей меня—въ сѣни не выйду.

Нянька. Христось съ тобою. (*Подымаетъ занавѣску*.) Глянь на дворъ-то, хорошо какъ; мѣсяцъ-то какой, ровно бѣлый день.

Наталья (*быстро опускает занавѣску*). Нѣтъ, боюсь, отъ мѣсяцу ровно какъ что ползеть по землѣ. Ай! (*Хватается за няньку*). Кто тута подъ столомъ?

Нянька. Что ты, Наташа, опомнись. Кошка небось прошла—кому-же больше!

Наталья (*глухимъ голосомъ*). А знаешь, что вчера со мной было? Ждала я тоже Ваню: часу до второго сидѣла. Такъ, сижу на сундукѣ и не сплю, а на дворѣ бѣло, бѣло! Гляжу—проти окна на заборѣ сидитъ кто-то во французской рубахѣ, плисовые штаны, поддевка на плечахъ, шапка на головѣ. Оскалился на меня и манить: Наташа, выйди ко мнѣ!

Нянька (*испуганно*). Да кто манить-то... кто манить-то, дура?

Наталья. А почему я знаю! Съ обличья будто на Ваньку похожъ, только глаза такіе нехорошіе, раскосые. Я выскочила на крыльцо—думала Ванька пьяный—анъ нѣтъ никого на заборѣ, и на дворѣ тихо, только пѣтухъ въ сараѣ прокричалъ.... Нянюшка, кто-жъ это былъ?

Нянька. Тебѣ, дѣвка, ужъ гластиться стало.

Наталья. Насилу я, нянюшка, задомъ, задомъ, до кровати дошла, дверь не могу запереть, легла головой въ подушку—съ часъ мѣста пролежала—лихорадка меня била.

Нянька. Богу молись, дѣвка, молись, чтобы онъ тебя не попустилъ до плохого. Скажи: „Господи! Пресвятая Богородица, Тихонъ Задонскій, утиши мою печаль, уйми мое сердце, чтобы мнѣ ни думалось, ни гластилось. Ложись-ка, дитятко! Постели себѣ на сундучкѣ. Сномъ-то скорѣе сердце сойdetъ, успокоишься. Сотвори молитву и спи. И мнѣ пора—завтра къ ранней въ монастырь хотѣла

сходить: за тебя просвирку подать. Спи съ Богомъ, хранить тебя Матушка Казанская. (*Хочетъ идти; въ дверь бурей врывается Авдотья и начинаетъ метаться по кухне*).

Явленіе 4-ое.

Иванъ, Наталья, нянька и Авдотья.

Авдотья. Что, что, не говорила я тебѣ, не говорила я тебѣ, что онъ съ Сашкой живетъ, не говорила? А ты все матери не вѣришь, все за Ваньку заступаешься! О, ты матери завсегда не вѣришь. Былъ-бы тебѣ Ванька, а матерю ты подъ подошву кладешь. Ну, теперь повѣришь, потому своимъ глазомъ видѣла. Захватила, дружка сердечнаго,хватила,хватила, своими глазунками видѣла, какъ онъ ее со щеки на щеку очоковалъ. И сахарная-то моя, и конхвечная-то моя, и яблочко мое наливное, всю кругомъ оцаловалъ. (*Наталья растерянно смотритъ на мать*).

Нянька (*съ досадою*). Отлепортовала лихвещорша! Тетка Авдотья, а ты-бы, въ избу вваливши, да сказала-бы „здравствуйте!“ да раздѣлась-бы, а тогда-бы ужъ и балы свои разводила. Чай вѣсти-то не новыя, давно знаемъ газету твою.

Авдотья. Прости, нянюшка, прости матушка! (*Снимаетъ съ себя шубу и платокъ*). Съ горя-то ужъ я половину свѣту не вижу. (*Киваетъ по направлению къ кровати*). Пришелъ, сокровишше-то?

Наталья. Пришелъ, спить.

Авдотья. Нешто не обидно за доченьку-то, за милую мою? Она-ли у меня не хороша, а онъ кого любить, а? котелъ мяса—ни кожи, ни рожи! (*Подходитъ къ кровати и отдергиваетъ пологъ*). Спить рожоное дитятко! Сударушка глотку-то водочкой залила! (*Замахивается на Ивана кула-*

ками). Да чтобъ тебя лихоманка затрепала, да чтобъ тебя анчихристь....

Наталья (*отдергиваетъ мать за руку*). Молчи! Тебѣ сказано, не смѣть его клясть! (*Задерживаетъ опять пологъ*).

Авдотья. Видѣла, нянюшка? Это дочь матерюто. Ладно?—И завсегда такъ. Не попадетъ по коню, да и жарить по оглоблѣ. Оглобля, вишь, виновата, что конь брыкается. Да чтобъ его.....

Наталья. Замолчишь ты, мать? Меня сколько хошь чертыкай, а Ваню не смѣй.

Авдотья. А я тебя такъ и послушалась, губернаторша! Да что, ты вѣдь никакихъ дѣловъ не знаешь?

Наталья. Безъ тебя давно знаю.

Авдотья. Нѣтъ, не знаешь. Ты урѣзалась у него, а онъ тебя, дуру, всю кругомъ обманулъ. Ты вѣдь ничего не знаешь—я къ его барину, къ Павлу Ликсандровичу, бѣгала!

Наталья. Ну, что-же?

Авдотья. Батюшка, говорю, Павелъ Ликсандровичъ, какъ моя дочка собирается, значитъ, мужа въ деревню взять, такъ, ваше высокое благородіе, желательно-бы, что насчетъ, сколько, примѣрно, Ванькиныхъ денегъ сохраняется за вами? Потому, какъ онъ, шарлатанъ, отъ жены скрывается.

Нянька. Ну, ну, что-же баринъ-то?

Авдотья. А баринъ-то мнѣ и говоритъ: „Замной говорить, бабка Авдотья, денегъ его самая малость, за мѣсяцъ и то не будетъ, потому какъ онъ ихъ всѣ перебралъ.“

Наталья. Мать, ты врешь; мнѣ Ванька самъ говорилъ, что онъ копѣйки расколотою не бралъ съ поста.

Авдотья (*не слушаетъ ее*). Какъ, говорю, батюшка, Павелъ Ликсандровичъ, а онъ, ваше ви-

сокое благородіе, говорить, что за вами его жалованья почитай за годъ! „Вретъ онъ, говорить, вашъ Ванька; чай онъ своей рукой у меня въ книжкѣ расписывался, чай онъ у васъ грамотный, отъ своей расписки не откажется.

Нянька. Вотъ-те и деревня. Вотъ и построились.

Авдотья. А добрые люди, кухарка Митревна, да Петра, говорятъ: „Это онъ въ Сашку-то всѣ денежки посадилъ. Въ банку на ея имя положилъ, шубу справилъ, сараханъ шалоновый, (*) платокъ шолковый, рубахи, башмаковъ двѣ пары, всю съ головы до ногъ одѣлъ! Вотъ они гдѣ денежки-то. *(Наталья стоитъ точно въ столбнякъ)*. Вотъ теперь люби его крѣпче. Теперь заступайся за него. Ругай матерю-то.

Наталья. *(идетъ къ постели)*. Встань, встань, мучитель мой, душегубецъ!

Авдотья *(помогаетъ ей расталкивать Ивана)*. Подымайся, солнушко красное! Сугрѣвай мірушко-то!

Нянька. Что вы, бабы, нешто хорошо пьянаго подымать! Да онъ васъ изворочаетъ до смерти! Завтра очухается, тогда грызите его, а теперь не трожь.

Авдотья. Нечего, нечего! Подымайся, радость-утѣха! *(Трясетъ Ивана)*.

Иванъ *(спускаетъ ноги съ постели)*. Что вы, что вы, куда вы меня тащите? *(Приходитъ въ себя)*. Отвяжитесь, да что вы меня за руки держите? *(Отталкиваетъ ихъ обѣихъ)*. Брысь, кошки! Ну, *(грозно, на всю кухню)* ну, что вамъ отъ меня надо, анаемы? *(Зѣваетъ)* Только было заснулъ.

Наталья *(еле сдерживаясь)*. Гдѣ твои деньги, Ваня, гдѣ твои деньги? Цѣлы онѣ?

(*) Шерстяной.

Иванъ. Знамо, цѣлы! Гдѣ, гдѣ? У барина!

Авдотья. Нѣту ихъ! Извелъ ты ихъ на сударку свою, на Сашку!

Иванъ. Какъ нѣту? *(отворачивается)*.

Авдотья. Забралъ ты ихъ!

Иванъ. Кто забралъ?

Авдотья. Да ты же забралъ!

Наталья. Съ чѣмъ-же ты въ деревню соби-
рался ѣхать! На что-же ты иструбъ отстраивать
хотѣлъ?

Иванъ *(сконфуженно)*. Это все брехня. Не бралъ
я денегъ. Баринъ вамъ нарочно не сказалъ, цѣлы
онѣ у него.

Наталья. Не такой человѣкъ твой баринъ,
чтобы ему врать! А добрые люди говорятъ.....

Авдотья *(подскочивъ Ивану совсѣмъ къ лицу)*.
А добры люди говорятъ: „Сашку ты ими награ-
дилъ, въ банку ей положилъ, всѣмъ, всѣмъ ее
наградилъ“....

Наталья. Батюшки! Не снесу я, больно мнѣ.
(Падаетъ на лавку) А я думала.... я думала въ
деревню мы уѣдемъ.... остепенится.... забудетъ
Сашку.

Иванъ *(вдругъ выпрямляется, хмѣль совсѣмъ
уже соскочилъ съ него)*. Я, забуду? Нѣтъ не за-
буду! хошь въ Титай меня завезите—не забуду
я Сашку. Тайлся я, совѣстился, жили-бы какъ
ни какъ, а теперь дознались, допытались, про-
нюхали, все развѣдали дочка съ матушкой..... Ну!
Теперь скрываться нечего: да,—потратилъ я день-
ги, ну, потратилъ, на Сашку потратилъ—что-жъ,
рвите меня зубами, ѣшьте меня, а я Сашку не
брошу, покедова самъ не протянусь!

Наталья *(зажимая уши)*. Замолчи, убилъ ты
меня! *(Ничинаетъ рвать свой фартукъ на ленты)*.

Такъ-бы я твою Сашку располосовала! Охъ! сердце мое! (*Хватается за грудь*). Охъ, голова моя.... помутилася я вся! Няничка, и что-же мнѣ теперь дѣлать?

Иванъ (*хватаетъ шапку*). Нешто это не собачье житье! Уйду, уйду. Мнѣ отъ васъ двухъ все едино—либо въ пролубъ головой, либо въ осель полѣзть. (*Уходитъ, хлопнувъ дверью..*)

Авдотья. Что-жъ, полѣзай—туда и дорога! Пусть его! Наташка, а Наташка, да чего ты въ полъ уставиася!.... Глянъ-ко-ся: патреманеть оставиль, (*открываетъ*) два рубля въ немъ; часы, поддевку. Прячь, прячь, доченька, убирай въ сундукъ, не давай ему, подлецу, не давай, пущай раздежкой побѣгаетъ.... У тебя деньжонки, у меня маненько есть, поѣдемъ съ тобой у деревню, спокой матерю-то, на старости лѣтъ, а онъ, пущай его съ Сашкой издыхаетъ.

Наталья (*опомнившись*). Ушелъ, куда Ваня ушелъ? Зачѣмъ вы его пустили. (*Вскрикиваетъ*). Онъ къ Сашкѣ пошелъ! Онъ не вернется—онъ въ сердцахъ ушелъ! Ваня, другъ мой, вернись, прости меня, дуру! (*Накидываетъ шубу на плечи*) Догоню, верну, не пущу, Ваня, Ваня!

Авдотья. Куды, куды! дура безмозглая! Куды ты бѣжишь?

Наталья. Пусти меня. Ты, ты, ты смутьянка... кляузница.... ты и огородника подсылала... ты и ночей не спала, караулила ихъ.... ты и къ барину бѣгала.... все ты.... безъ тебя-бы я ничего не знала.... ты.... ты меня сгубила, ты не мать мнѣ.... хуже мачихи (*вырывается изъ рукъ ея и уходитъ въ дверь, Авдотья растерянно глядитъ ей въ слѣдъ; нянька всей своей фигурой выражаетъ ужасъ*)

(ЗАНАВѢСЬ).

Д ѣ й с т в і е 3-е.

Явленіе 1-ое.

Иванъ и Сашка.

(Сцена перваго дѣйствія. Сашка грѣется у печки, Иванъ сидитъ у стола).

Иванъ.. Вотъ, я и боюсь, какъ-бы она, бѣшеная, къ тебѣ не прошла. Кто тамъ за тебя застоитъ? Мать старуха? Тутъ со мной понадежнѣй.... И что вчера было! Страсть, какая пальба! и, Господи упаси, что было! Говорятъ господа на Наташку осерчали: „ты“, говорятъ, „со своими скандалами весь домъ по ночамъ подымаешь“.... А Наташка-то за мной слѣдомъ прибѣгала; звонила, звонила, звонокъ оборвала; да я Петру не велѣлъ отпирать: постояла, постояла и ушла.

Сашка. Охъ, боюсь я, Ваня, прійдетъ она—достанется мнѣ. Сколько я отъ нея ни пряталась, таперь ужъ не спрячешься.

Иванъ. А ты, дѣвка, не робѣй, я въ обиду не дамъ. Что въ самомъ дѣлѣ, имъ поддаваться! И такъ ужъ сверхъ головы сѣли.

Сашка. Какъ прійдетъ, да начнетъ за волосы таскать!

Иванъ. Только тронь, руки оторву!

Сашка (*задумчиво*). Виновата я передъ ней—вотъ что!

Иванъ. А, да замолчи—виновата! Всѣ мы виноваты. Кто Богу не грѣшенъ? Нешто она то въ дѣвкахъ тоже не жила въ свое удовольствіе?

Сашка. А все-же мнѣ совѣстно въ очи ей глянуть.

Иванъ. Ну, чего тебѣ совѣстно?

Сашка. Самъ знаешь! (*Подходитъ къ столу*).

Иванъ. Ну, такъ что-же! Аль съ Наташкой велишь въ деревню ѣхать, чтобы тебѣ совѣстно не было? ѣхать что-ли?

Сашка. Ванюшка, не могу я съ тобой разстаться! (*Плачетъ*).

Иванъ. Что-же! я пожалуй.... мнѣ что.... съ горя чего не сдѣлаешь! Ну, поѣду я въ деревню, Наташка все забудетъ, все проститъ. Да какъ-же мы-то съ тобой разставаться будемъ?

Сашка. Лучше прямо живой въ гробъ лечь! (*Плачетъ еще сильнѣе*).

Иванъ. Ну, вотъ то-то. Видно, стыдно не стыдно, а быть тебѣ, молодой, за Ванькиной головой. Крѣпись, дѣвка! (*Ласкаетъ ее*). Эхъ! любя моя, да ты голуба моя! Ну, утрись, усмѣхнись разокъ! Что ужъ, въ самомъ дѣлѣ, Аль мы съ тобой душу загубили? Ну-же, Сашка, да ну-же! (*Тормошитъ ее, она смотритъ на него, улыбаясь сквозь слезы*) Ну, будь-же козыремъ. Дай-ка я тебя повеселю! (*Беретъ съ полки гармонію, играетъ и притоптываетъ ногами, напѣвая*):

„Барыня, барыня,
„Чаво тебѣ надобно?
„Мачку-ль толченаго?
„Горошку-ль моченаго?
„На барынѣ чепчикъ
„Она ходитъ шепчетъ“....

Ну, что-же ты, выходи!

Сашка. Не могу, Ваня! Прошла моя пора. (*Задумывается*).

Иванъ. Да объ чемъ ты печалишься?

Сашка. Есть объ чемъ! Зовутъ меня безстыжей, а въ сердцѣ у меня никто не бывалъ.

Иванъ. Ну, что тамъ еще? Ну, знамо, совѣстно тебѣ маненько проти добрыхъ людей. Ну, да вѣдь это дѣло такое; еще мѣсяцъ, другой, а тамъ опять ничаво, все забудется: заплашешь, запоешь.

Сашка (*грустно молчитъ.*)

Иванъ. Думай, не думай, конецъ одинъ.

Сашка. То-ись какъ? Какой конецъ?

Иванъ. А такой! Какую нибудь старуху разыщемъ, пятишницу ей въ зубы, она всѣ дѣла устроить.

Сашка. Въ Москву, въ Воспитательный? Въ корзинкѣ, какъ поросенка какого, штукъ пять дружка на дружкѣ? (*Выпрямляясь*). А ежели я не дамъ? А ежели меня одинъ грѣхъ сокрушилъ, что связалась я, дѣвка, съ женатымъ, а другаго грѣха на душу брать не хочу? А ежели мнѣ лучше всѣ глаза пусть заплюютъ, а я своего младенца никому не отдамъ?

Иванъ (*молчитъ, усиленно затягиваясь папиромъ и избѣгая глядѣть на Сашку*).

Сашка. Кряхтишь! не ндравится? Тебѣ-бы концы въ воду, а къ веснѣ другую дуру обмануть? Ну! Ваня! вотъ тебѣ мой сказъ: развѣ только памяти рѣшусь, а то вы его у меня не отымете. Хошь загодя эвти мысли брось! А ежели не ндравится..... жена тебя въ деревню зоветъ, она тебѣ все простить, все забудеть.... ступай съ ею въ деревню.

Иванъ (*садится къ столу, и молча барабанитъ по немъ пальцами*).

Сашка. Живите, какъ допрежде жили, пока Сашка промежъ васъ не встряла. Только объ Сашкѣ-то ужъ и думать забудь. Можетъ побираться прійдется... Съ ребенкомъ куда я дѣнусь?

Вотъ пойду я по міру, подойду къ избѣ твоей, подѣ окошечко: „Подайте Христа ради! а твоя Наташка моему сыну хлѣбушка подастъ.

Иванъ (*всхлипываетъ*). Сашка! что ты мнѣ душу рвешь!... Будетъ съ меня жены и тещи!... Думалъ, къ тебѣ прійду, воздохну сколько-тонибудь, а ты меня лучше ихняго грызешь!... Нешто я азіять? Вѣдь хорошо знаешь, доподлинно тебѣ извѣстно, что я тебя не брошу, ни за что, хошь озолоти меня Наташка.

Сашка. Побожись, Ваня, дружокъ! (*Смотритъ ему въ глаза*) побожися что ты меня не бросишь!

Иванъ. Издохнуть мнѣ безъ покаянія, коли я тебя брошу.

Сашка (*ласкаясь къ нему*). И съ ребенкомъ?

Иванъ (*помолчавъ, махнувъ рукою*). Ну тебя, ну и съ ребенкомъ. Такъ видно тому и быть.

Сашка (*на колѣняхъ передъ нимъ, цѣлуетъ его руки*). Вотъ когда ты мое сердце спокоилъ. Вотъ когда отъ души отлегло! Красавикъ мой! Душенька ты мой! (*Садится рядомъ съ нимъ*). Есть-ли на бѣломъ свѣтѣ лучше тебя, анделъ мой! (*Вынимаетъ изъ кармана гробеночку и чешетъ ему волосы. Иванъ прижимаетъ ее къ себѣ*).

Явленіе 2-ое.

Иванъ, Сашка и Наталья.

Наталья (*тихонько отворяетъ дверь, останавливается у порога и нѣсколько минутъ молча смотритъ на нихъ, потомъ громко кашлянувъ*). Честъ имѣю проздравить съ законнымъ бракомъ! (*Иванъ и Сашка отскакиваютъ другъ отъ друга*).

Наталья. Что-жъ шерыхнулись! (*) Цѣлуйтесь, милуйтесь, а я на васъ погляжу! Вчерась хотѣла проздравить ну, не пустили, говорятъ: „молодые почиваютъ“, такъ я нонѣ пришла. (*Смотритъ на Сашку, которая, смутившись, оправляется*). Что-жъ, цѣлуй чужого мужа на глазахъ у жены!

Сашка. Наталья Ивановна, ты-бы лучше ушла.

Иванъ (*поперхаясь на каждомъ словѣ*). Ты зачѣмъ пришла? Тебѣ мало вчерашняго скандалу?

Наталья (*все не еводя глазъ съ Сашки*). Ты скажи, скажи мнѣ, а дорого тебѣ мужъ мой за честь твою заплатилъ? (*Презрительно сжавъ губы*) Было за что платить.

Иванъ (*быстро засучивая рукава*). А, ты, замолчи, а то вѣдь я... (*Подступаетъ къ Натальѣ*).

Сашка (*бросаясь между ними*). Ванюшка, голубчикъ.... не на моихъ глазахъ.... не могу я видѣть.... лучше я уйду. (*Хватаетъ теплый платокъ съ лавки и хочетъ уйти, Наталья загоразживаетъ ей дорогу*).

Наталья. Стой, стой! Съѣла кошка сала кусокъ, да и шмыгъ подъ лавку, знаетъ драть ее будутъ. Ахъ, ты! Да ты еще за меня заступаешься! Вотъ-же тебѣ. (*Хочетъ плюнуть ей въ лицо—Сашка ловко увертывается*).

Сашка. Ваня.... заступись!

Наталья. Ваня, какой онъ тебѣ Ваня? (*Срываетъ ленту съ косы Сашки*). Я-те косу-то оборву! (*Петръ и Митревна просовываютъ въ дверь головы*).

Сашка (*прячется за Ивана*). Ваня, да что-жъ это?

Иванъ (*женъ*). Тронь ты мнѣ ее только.

(*) Испугались.

Наталья. Что-жъ, бей! Твоя краля поглядить по крайности. Все ей лестно. На, души!

Сашка. Наталья Ивановна, уйди ты, ради Бога, у насъ съ тобой хорошихъ рѣчей не будетъ.

Наталья. Я не за хорошими рѣчами пришла, я за мужемъ пришла. Одѣвайся, Ваня, мы съ тобой въ деревню ѣдемъ. У меня и сундуки завязаны, и у господъ я разсчиталась, за тобой теперь всѣ дѣла.

Сашка. Охъ! и что-жъ это такое?

Наталья. Аль испужалась? Ну, Ваня, я жду!... Ступай у барина разсчета проси, у меня и подвода договорена, пойдемъ.

Сашка. Ваня, вспомни свое слово. (*Беретъ его руками за борта поддевки.*) Жаланный мой, соколикъ ты мой.

Наталья. Не улещай змѣя, не отымешь ты его у меня. Мой онъ мужъ, а твой пріятель. Со мной онъ пойдетъ, а ты какъ была, такъ и будешь... лови тады вѣтра въ полѣ.,

Сашка (*съ мольбой въ голосъ*). Ваня, ты божился... другъ мой!!

Наталья (*передразнивая ее*). Ваня, другъ мой! Буде, потиранили вы меня, теперь я васъ поучу. (*Тянетъ мужа за рукавъ*). Собирайся-ко, или я народъ кликну. (*Указывая на Митревну и Петра которые тотчасъ-же скрываются*). Погляжу какъ это ты при народушку-то съ своей кралей цѣловаться станешь. Ступай къ барину за разсчетомъ, пора и жену уважить. Ну, чего-жъ ты?

Митревна (*въ двери*). Такъ-то-ся, парень, лучше дѣло-то будетъ!

Иванъ (*отталкивая жену*). Уйди, не поѣду я.

Наталья. Врешь, поѣдешь. (*Тащитъ его за руку*). Нечего на нее глядѣть-то! Мало-ли дѣвокъ по Тулѣ шляется. Пойдемъ.

Иванъ. Уйди, не поѣду я. (*Садится на лавку*). Деньги я извелъ, зачѣмъ-же мнѣ теперь въ деревню? Не поѣду я, сказалъ не поѣду—и не поѣду. Я и барину сказалъ, что не поѣду.

Наталья. Погоди-жъ ты, Сашка, или на тебя суда нѣту? Нешто мы не знаемъ, что ты Ваньку зелеными мухами поила, чтобы любилъ онъ тебя? (*Оглядываетъ Сашку съ головы до ногъ*). И чѣмъ это ты ему полюбила? Обличіе самое неказистое, вся въ воспѣ, космы рыжіе. Вся-то ты съ матерью—на придачу, мого мезинца не стоишь!

Сашка (*вспыливъ подбоченивается*). Чѣмъ полюбила? А вотъ и угадывай! Вотъ я и рябая, и рыжая, а любить меня мужъ твой, вотъ какъ любить, лучше жены своей. Знать чѣмъ нибудь да лучше я тебя. Что-жъ онъ съ тобою, съ красавицей, восемь лѣтъ женатъ, году путемъ не жилъ?.... что-же ты его за восемь лѣтъ-то къ себѣ не приучила? Ну, таперь гляди на себе и на мене. (*Извительно*). Чахоточная, кашляетъ, задыхается, першитъ какъ овца! (*Становится въ гордую позу*). А я кровь съ молокомъ! А я дѣвка хошь куда! (*Плавко проходитъ передъ Натальей, приплясывая и поводя плечами*). Нешто ты тако-ся можешь? Куда тебѣ! Тебѣ однава дыхнуть осталось! Ваня, скажи ей, за что ты меня любишь?

Наталья. Иванъ Петровичъ! не вели ей надъ женой твоей измываться! (*Иванъ нерышительно топчется на одномъ мѣстѣ*).

Сашка. Любить онъ меня, потому—я дѣвка веселая: пѣсню-ль сыграть, шуточку-ль спутить—все я могу. Эхъ! (*покатывается со смѣху*).

„Щука въ морѣ съ карасями,
„А я, дѣвка, съ молодцами!“

(Становится рядомъ съ Иваномъ и обнимаетъ его одной рукой за талию). Ну!... чѣмъ-же не пара?

Наталья (хочетъ ударить ее по щекѣ). Смѣешь ты мужа при женѣ обнимать!

Сашка (оттолкнувъ ее). А вотъ смѣю! (Цѣлуетъ Ивана). Мой онъ милый другъ, меня любитъ, а тебѣ шишь—потому—жареная ты, карахтерная, злая, ревнивая; ты со зла вся изсохла, исчаврила, (*) тебя въ иголку вдѣть можно, синими жилами вся пошла. Вотъ гляди. (Быстро засучиваетъ рукавъ свой выше локтя) рука моя бѣлая.... пухъ.... не тѣло.... а ты ужъ аль-ни залубнѣла вся. (Подступаетъ къ Натальѣ). Ну, что же ты молчишь? Отвѣчай!.... То-то, я тебѣ говорила, уйди добромъ, у насъ съ тобой добрыхъ рѣчей не будетъ! О, меня, дѣвка, лучше не тронь! Я сама зубаста.

(Наталья судорожно рыдаетъ, закрывши лицо фартукомъ).

Иванъ. Санька, заткни глотку-то! Что ты, въ самомъ дѣлѣ, расширилась не въ мѣру!

Сашка. Аль тебѣ жалко стало? А какъ мнѣ въ глаза плюютъ, да по лицу намѣряются, такъ это тебѣ ничего? А говорилъ: „не робѣй дѣвка, я тебя въ обиду не дамъ?“... О, такъ вѣдь я и тобой не очень нуждаюсь! Проваливай въ деревню. (Отворачивается). Эко золото, подумаешь,—за него бабы дерутся! (Вдругъ весело улыбаясь, оборачивается къ Ивану). Ну, выбирай любую, какая твоему сердцу милѣе, да живо... пока меня до зла не довелъ.

Иванъ. Иди, Наташа, домой, иди, чего въ самомъ дѣлѣ... хорошо-ли эдакъ-то?

(*) Завяла.

Наталья (*смотритъ на него мутными глазами*).
Гдѣ мой домъ? Куда я пойду?

Иванъ. Въ деревню ступай, къ моимъ братьямъ, они тебя не обидятъ.

Наталья. Въ деревню? Зачѣмъ въ деревню? Ты, ты мнѣ нуженъ, а не деревня.

Иванъ (*тихонько толкаетъ ее къ двери*). Ну, иди, иди, я прійду, ну, право-же, прійду вечеромъ; ты меня жди, прійду, прійду! ну, иди, иди.

Сашка. Это ты куда вечеромъ-то пойдешь?... Не пущу я тебя! Опять къ женѣ, а тамъ опять, къ Сашкѣ, а тамъ опять драка неразволочная? Нѣтъ, парень, шалишь! Сичасъ, значить, къ одному берегу рѣшайся: либо жена, либо Сашка, тебѣ говорю въ послѣдній разъ. Она мнѣ въ глаза плевала.... въ другой разъ не хочу... Жена, либо Сашка... Ну, живѣй!

(*Иванъ обнимаетъ ее правой рукой*)

Наталья (*шатаясь*). Что вы, что вы со мной дѣлаете? Я черезъ васъ... вчерася мать прокляла... Всю... всю... всю кругомъ меня обидѣли. Ваня, пожалѣй меня!... Сашка... дѣвка ты молодая, жениха тебѣ найдемъ хорошаго, замужъ выйдешь... (*Ломаю руки*) Не разлучай ты законъ! Я денегъ тебѣ дамъ. Такъ и быть: ограбила ты мужа, ну и съ жены тащи послѣдній хрестъ... всѣ... какія есть, послѣднія, трудовыя, всѣ отдамъ, только отступися ты, брось ты его.

Сашка. Нуждалась я твоими деньгами; не съ деньгами жить, а съ человѣкомъ...

Наталья. Ослобони ты его душу; ну вотъ... видишь... (*закрываетъ лицо руками*) совѣстно, стыдно, Господи, кому кланяться-то!... Ноги твои цалую. (*Кланяется Сашкѣ въ ноги*).

Сашка (*брезливо отталкиваетъ ее*). Камедіен-

щица, камедь приставляетъ! Нонѣ не масляница, не балаганъ!...

Наталья. Что онъ тебѣ дался! Тебѣ осьмнадцать лѣтъ, а ему тридцать! Али ты лучше его не нашла?

Сашка. Не то что тридцать, хошь будь ему сорокъ лѣтъ и то не отступлюся! Хошь до завтра въ ноги кланяйся!

Наталья. А! Такъ ты такъ-то-ся! Тебѣ мало, что я у тебя въ ногахъ валялась. Такъ вотъ-же тебѣ. *(Хватаетъ съ полки большую черную бутылку и запускаетъ ею въ голову Сашки. Бутылка летитъ мимо и разбиваетъ окно).*

Наталья. Эхъ, мимо!

(Иванъ кидается на жену и хватается ее за руки. Въ дверь опять заглядываетъ Митревна).

Наталья. Помогите-бьютъ!!

Сашка. Чего ты орешь? Мнѣ было голову проломила, такъ вѣдь я молчу, а тебя никто не душилъ.

Наталья *(борется съ мужемъ).* Пусти, пусти меня, я ее.... не могу я... я ее... удушю...

Иванъ. Сашка, уходи! Остервенилась она, бѣги, бѣги, ушибетъ она тебя.

Наталья. Змѣя, колдунья... разлучница! *(Рвется къ Сашкѣ).*

Иванъ. Уходи, покедова я ее держу.

Сашка. А ты съ ею въ деревню?

Иванъ. Вѣрь ты мнѣ: вѣдь божился. Убьетъ она тебя; а ты челоуѣкъ чажолый!..

Сашка *(уходя).* Охъ, Ванька! ежели да ты меня обманешь!! *(Грозитъ ему).*

Наталья *(вдругъ обезсилѣвъ, затихаетъ).* Ой пусти, не держи! Ты что сказалъ? Сказалъ-то ты что? Чажолая кто? кто?

Иванъ. Кто, кто? Знамо не ты... Сашка...

Наталья (*падаетъ на лавку*). Матушка Казанская, я-ли не молилась!... Все... все... все имъ... а мнѣ... ничего. (*Въ отчаяніи держитъ себя руками за голову. Иванъ, захвативъ шапку, тихонько крадется вонъ*).

Наталья. Все, все ей... а мнѣ ничего... ни мужа... ни ребенка... (*хохочетъ*) Ты Наташка, не тому Богу молилась! молиться ты не умѣешь... а она умолила... (*Смотритъ на свои руки*) Жилами синими пошли... (*Шатается по комнатъ, безцѣльно беретъ въ руки то-то, то другое; проходя мимо палатей, задѣваетъ головой за висящую съ нихъ веревку; она снимаетъ ее и медленно дѣлаетъ петлю*). Ну что-жъ!... къ чему жить... давно жить тошно... не милъ бѣлый свѣтъ!... на нихъ глядѣть?... не тѣло—пухъ... а ты злая, ревнивая!... а я кровь съ молокомъ, а я дѣвка хошь куда... *Идетъ къ коморкѣ*). Тамъ у Ваниной постели... такой крюкъ... славный!...

(*Скрывается въ каморку*).

Явленіе 3-е.

Авдотья, потомъ Петръ и Митревна.

Авдотья (*вбѣгая*). О—у! никого и нѣтути! А сказывали—драка смертная! Сказывали Наташка тут! (*Въ каморкѣ раздается стукъ*). Наташка, ты здѣсь? (*Заглядываетъ въ каморку*) Наташка!! На крюку!! Караулъ! Караулъ! Карау-у-ль! *Вбѣгаютъ Петръ и Митревна. Авдотья, обезумѣвъ, рветъ на себѣ платье. Петръ, взглянувъ на нее, бросается въ каморку. Митревна, тоже заглянувъ туда, всплеснувъ руками, трясется у порога*).

Петръ (*подходя къ двери каморки*). Митревна, помоги. Ничаво, бабка Авдотья, жива твоя дочка!

(ЗАНАВѢСЪ).

Д ѣ й с т в і е 4-е.

Явленіе 1-ое.

(*Сцена втораго дѣйствія. Наталья, въ темномъ платьѣ съ чернымъ платочкомъ на головѣ, блѣдная, осунувшаяся, укладываетъ вещи свои въ сундукъ. На кровати ворохъ платья, на полу тоже разбросаны вещи*).

Наталья. Отщеголяла Наташка! Ни къ чему тебѣ теперь твои наряды. Убирай подальше, чтобы на глаза не лѣзли. Не для кого наряжаться—самой на себя глядѣть? (*Снимаетъ фотографическую карточку въ рамкѣ со стѣны*). Вотъ она какая Наташка-то была—(*глядитъ на себя въ зеркальце и на карточку*) и схожаго ничего нѣтъ. (*Кладетъ портретъ въ сундукъ и снимаетъ зеркальце.*) И зеркальце туда-же—глядѣть стало не на что, одни глаза чернѣютъ. (*Беретъ другую карточку со стѣны.*) Ну, а эту! (*Влядывается*) Изъ Аршавы прислалъ, какъ унтеръ-ахвицеромъ произвели... Бравый какой! Я тогда бабъ всѣхъ обѣгала, хвалилась... ночью подъ подушку клала. Ваня, Ваня, и ты тогда не тотъ былъ, что сейчасъ. (*Вынимаетъ карточку изъ рамки и прячетъ ее за пазуху*) А письмо-то какое прислалъ! Все до ребезу (*) помню. Съ недѣлю кажинъ день читала, пока выучила, какъ Богородицу...

(*) До мелочи.

Складное было письмо: „Взвейся, взвейся мой листочекъ, на воздушный вѣтерочекъ, ты лети листокъ стрѣлой, къ моей милой, дорогой, ты лети письмо къ тому, кто миль сердцу моему; а нѣту моему сердцу милѣе богоданной моей супруги, Натальи Ивановны“. Ужъ и письмо было! Плакали бабы!... А теперь и ни разочку не охнеть объ супругѣ, объ богоданной. (*Быстро укладываетъ последнее платье съ кровати въ сундукъ*). Все, все, и сарахваны и платки все туда—(*вынимаетъ изъ ушей серьи*) и серегъ не надо! Все матери велю продать, пусть эвими деньгами и бавится—только вѣдь ей и будетъ отъ дочери.

Явленіе 2-ое.

Нянька и Наталья.

Нянька. А я опять тебя, дѣвка, ругать иду. Взбулгачила (*) ты весь домъ, а къ чему—спросите, люди добрые? Вѣдь сказано было у Маю мѣсяцу итти, такъ нѣтъ, норовистая, сейчасъ пойду, да и пойду; только, Господи благослови, рѣки прошли.

Наталья. Ругай не ругай, а пойдемъ. Барыня пускаетъ и няньку наняла на время—чего-жъ тебѣ еще?

Нянька. Вотъ то-то барыни-бы ты постыдилась, посовѣстилась. Ну, какъ это мы съ тобой вдругъ уйдемъ: говорили въ Маю, къ концу, а теперь еще только Апрѣль мѣсяць. Хошь оно, конечно, отъ меня старой, да отъ тебя хворой толку-то мало—а все-же вѣрный глазъ. Знала

(*) Подняла.

она, моя матушка, что ежели куды и пойдетъ, все дите съ нянькой, призрено, значить, не какъ съ Машкой теперь, съ зехвиркой, (*) останется—только и глядитъ, какъ-бы ей за ворота выско-чить....

Наталья. Ну, ты не ходи, няня.

Нянька. Ловка-же ты, погляжу! Мнѣ. старой, можетъ годъ вѣку осталось, можетъ изъ меня завтра душа вонъ—да Богу не помолиться! Который годъ собираюсь: то сама хворала, то Васенька въ корю былъ, а теперь первый годъ слободна и какъ-же это я не пойду? Опять-же я черезъ двѣ недѣли вернусь, вѣдь мнѣ только къ Троицѣ, а ты-то вотъ что удумала?

Наталья. Ну, няня, ругай не ругай—не могу я остаться. Рада-бы я барыню уважить... потому не барыня она... мать родная... да не могу...

Нянька. Чего не могу? Еще путемъ не оправилась; что ты три недѣли-то ужъ на ногахъ таскаешься, такъ что-же съ этого? Въ тебѣ еще хворь стоитъ. Тебя еще ни на ѣду, ни на пойло не гонить. Вотъ какъ погонить тебя на ѣду... вотъ тогда значить, ты и поправились, тогда ты и ступай. И мнѣ-бы старухѣ какъ-бы у Маю хорошо, теплѣе-бы было, а то теперь еще утренники холодные.

Наталья. А кто насъ гонить: мы по зарямъ не станемъ ходить. Обогрѣетъ солнышкомъ, тогда и пойдемъ. Ты погляди, няня, народъ-то валомъ валить, дальніе идутъ, не боятся холоду, потому этотъ разъ тебѣ Богъ силу даетъ.

Нянька. Такъ-то такъ, а все-бы лучше Пасхи дожждаться, разговѣмши-бы тогда и маршъ. А то вѣдь все скомандовала въ два дни.

(*) Вѣтренницей.

Наталья. Вот ты говоришь Паски дождись, а будто не знаешь: „Кому праздникъ воскресенье, а мнѣ слезы-огорченье“. Что она мнѣ Паска-то, съ кѣмъ я разговляться буду?.... Няничка, милая ты моя, не таилась я отъ тебя никогда и теперь откроюсь тебѣ всей душою, хошь, знаю, ругать меня будешь. Была вѣдь я третьего дни...

Нянька. Гдѣ была?

Наталья. Ну, гдѣ была? Сама знаешь гдѣ?

Нянька. Я думала она больна, спить-лежить, а она завѣялась. Ну, гдѣ-же была, сказывай!

Наталья. У Ивана была.

Нянька. И что-жъ это ты, мать моя, и когда же ты отъ него отстанешь!

Наталья. Не могу я, няня; думаю: „дай хошь мимо пройду, на его на окошечко погляжу“.

Нянька. Такъ тебя ровно магнизомъ какимъ къ нему тянетъ. Вѣдь знаешь, не нуждается онъ тобою, и думать забылъ... До мертвой петли тебя довелъ, въ горячку вогналъ, а все не пронялся, не бросилъ дѣвку свою; на хвартеру свелъ, какъ съ женою живетъ, а ты все опять къ нему лѣзешь! У тебя, Наташка, ничего стыда нѣту.

Наталья. Эхъ, няня, то то старому по молодому трудно погадать.

Нянька. Не ври! Сами молодки были, такъ-то за мужьями не гонялись. Ну, что-же, видала ты его?... И какъ ты насмѣлилась къ нимъ взойти-то? И какъ ты ихъ глазами-то глядѣла?

Наталья. Да я и не входила! Подъ окошечкомъ съ часъ простояла—все видѣла...

Нянька. Ну?

Наталья. Онъ на кровати сидитъ, а она зыбку качаетъ. А тамъ мальчишка закричалъ, она взяла

его, кормить стала, а онъ подошелъ, глядитъ на мальчишку, смѣется. А мальчишка бросилъ грудь, да и давай агукать.... Живо-ль мое сердце было!

Нянька. Своя охота! Не ходила-бы, не подглядывала!

Наталья. Стояла я, стояла, все на мальчишку гляжу, вѣдь ему ужъ третій мѣсяцъ, смыслить сталъ.... Вдругъ Сашка какъ обернется и увидала меня.

Нянька. Ну, ну?

Наталья. Обмерла, закричала. А Ванька къ двери, а я бѣжать. Насилу дома отдышалась, ноги тряслись всю ночь, такъ бѣгла.

Нянька. Сама себя терзаешь! Другая-бы ему давно, такъ-бы носъ утерла, что онъ вѣкъ-бы чесался, не опомнился.

Наталья. Какъ такъ?

Нянька. Да такъ: онъ гуляетъ, а ты еще хлеще!

Наталья. Нянька, ты меня не на доброе учишь!

Нянька (*смутившись*). Такъ къ слову пришлось; мнѣ что... тебя жалко.

Наталья. Не ждала я отъ тебя, старушка Божья! право не ждала. Это кабы моя мать такую штуку ляпнула—ну, такое дѣло, а отъ тебя не ждала я себѣ....

Нянька (*сердито*). А ну тебя и съ Ванькой съ твоимъ, глядѣть на васъ тошно. Вѣкъ прожила, неповинна душа моя, не сбивала я съ пути ни разу молодого человѣка. Дѣвка-ли, парень-ли—все бывало унужаешь: (*) живи, дитят-

(*) Внушаешь.

ко, какъ лучше, чтобы честно, благородно, самъ себя поддержи, а съ вами, съ чертями, и старый человѣкъ ума рѣшится.

Наталья. А ты на меня, няня, не сердись... потому, какъ я никогда отъ тебя словъ такихъ не слыхала... вдивилась я... А я вотъ и думаю: уходи, Наташка, пока еще какого грѣха не натворила. Разъ изъ петли вынули, другой можетъ и не вынуть.

Нянька. Ишь вѣдь ты, азорная, тебя и лихо-манка-то не укоротила.

Наталья. Какъ больна я лежала, то-то у меня на сердцѣ хорошо было. Ни объ комъ не думала. Все вижу, слышу; гляжу на потолокъ, на стѣнку, въ окошко поглядываю, и такъ-то тихо на сердцѣ, ничего не думается. А поздоровѣла—опять кто знаетъ, что въ голову полѣзло, опять ночь не сплю—думаю...

Нянька. Охъ, дѣвка, пуще всего не думай ты, съ думы-то часто съ человѣкомъ случается... задумается человѣкъ.... и пропасть.... ты не думай, дѣвка, лекше тебѣ будетъ....

Наталья. Сама-бы рада, да не могу... А вы вотъ съ барыней заладили—„жди до Маю, до лѣта“. Что ужъ ждать-то, когда грѣхъ подъбокомъ.

Нянька. Грѣхъ, грѣхъ, что и говорить!

Наталья. Ты мой карахтеръ знаешь. Еще мѣсяцъ, другой, окрѣпну я, опять чудесить стану: въ матерю я, бѣшенная. Уходить мнѣ надо. Вѣдь все равно, няня,—„насильно милъ не будешь“. Вѣдь Ванька со мной жить не будетъ, хошь ему душу свою вынь—не нужна я ему. Такъ что же мнѣ... только себя мучить.... А уйду: глазъ мой не видитъ, ухо не слышитъ; матери не будетъ,

она вѣдь, останься я въ Тулѣ, опять насъ мутить начнетъ... Ну, а тамъ, можетъ я и забуду; а еще было у меня обѣщаніе. Какъ больная я лежала, все у меня въ глазахъ стояла Она, Матушка Казанская: „Сходи, говоритъ, Наташка—помолись святымъ угодникамъ въ Кіевѣ“ и обѣщалась Ей сходить и въ Кіевъ, и къ Троицѣ и къ Тихону Преподобному.

Нянька. Правда твоя, дѣвка, надо, надо помолиться. Тебя Господь отъ вѣчной муки избавилъ, не далъ тебѣ пропасть собачьей смертью.

Наталья. Все-то мы хлопочемъ, все хлопочемъ, весь вѣкъ свой, а объ душѣ и не подумаемъ; все намъ некогда, и то намъ нужно, и другое, а что нужно? все одно: поремъ, все останется.... Вотъ и хочу я постараться, не для себя—для Бога. Деньжонки пока есть... пойду помолюсь.... а тамъ, что Богъ дастъ.

(Укладываетъ послѣднія вещи въ сундукъ и запираетъ его).

Явленіе 3-е.

Наташка, нянька и барыня.

Барыня. Такъ ты меня и не послушаешься?

Наталья. Матушка, барыня, милая вы моя, не держите вы меня.

Барыня. Да ты погляди, на кого ты похожа. Давно-ли ты съ постели встала? Вѣдь на тебѣ лица нѣтъ!

Наталья. Нѣтъ, я теперь, слава Богу, чувствую силу.

Нянька. Какая тамъ сила. Такъ чуть двинь—спотыкнется.

Барыня. Ну, вотъ то-то же! А въ Кіевъ развѣ близко? Да ты до Сергія Троицы не дойдешь.

Наталья. Гдѣ и на машинѣ подѣхать можно,—деньжонки-то пока есть. Спасибо вамъ, голубушка вы моя, сами и лечили меня, сами и ходили, ровно за родной. Кабы мнѣ эдакъ-то въ больницѣ пролежать два мѣсяца—всѣ-бы мои денежки туда ушли.

Барыня. Что объ этомъ толковать! Ты знаешь, что и тогда, сама ты въ деревню захотѣла, не мы тебѣ отказали. А что за тобой ходили, такъ мало-ли я сама болѣла; вы-же двѣ съ няней со мной мучались—ночей не спали.

Наталья. Эхъ, матушка барыня, другіе прочіе господа на это не глядятъ. Ты имъ слуга пока въ тебѣ сила—мочь есть, а свалила тебя хворь—сопруть въ больницу и услугу твою не попомнятъ, а вы, моя матушка....

Барыня. Будетъ, будетъ, ты вотъ лучше послушайся меня. Поѣдемъ съ нами на дачу, тамъ на чистомъ воздухѣ ты поправишься, а лѣтомъ и ступай себѣ въ Кіевъ, я тебя держать не стану. Только теперь не ходи. Вѣдь, говорятъ, кое гдѣ по лощинамъ еще снѣгъ лежитъ, даромъ, что въ полѣ зелено.

Наталья. *(сложивъ руки на груди).* Ну, милая моя барынька, не уговаривайте вы меня.

Нянька. *(сидѣвшая все время молча на сундукѣ).* Вѣдь вотъ она, какая настырная. Нешто ее уломаешь! Это по тебѣ, Наташка, еще горячка ходитъ, ей Богу, не вытряслась еще.

Наталья. Не могу я, замодѣла я совсѣмъ. Стѣны меня съѣли, опротивѣла мнѣ ваша Тула. Все мнѣ не мило! Дайте вы мнѣ, ради Христа, уйти. Можетъ, за заставу выйду,—воздохну. Теперь въ полѣ—рай раствореный!

Барыня. Ну, какъ хочешь! Вотъ онъ и пачпортъ твой. (*Подаетъ ей бумагу*). А только боюсь я за тебя, Наташа, свалишься ты гдѣ нибудь въ дорогѣ.

Наталья. Ну, что-же, нешто я въ Тулѣ-то не лежала два мѣсяца съ лишнимъ?

Барыня. Такъ вѣдь тутъ было кому походить за тобою, опять и докторъ и лекарства.

Наталья. Эхъ, матушка вы моя, что онъ вашъ дохторъ-то знаетъ? Онъ видитъ, что снаружи, а въ нутре-то нешто онъ можетъ видѣть? Ну, конечно лечилъ онъ меня, къ тому ихъ подучаютъ, опять добрый онъ, жалѣлъ меня; а только не съ его мистуръ я поднялася; видно мнѣ, грѣшной, еще помаяться надо на бѣломъ свѣтѣ, а кабы помереть, то и вашъ дохторъ-бы ничего не подѣлалъ.

Барыня. Ну, а если помрешь на чужой сторонѣ?

Наталья (*грустно*). Ну и помру, сверхъ земли лежать не буду: зароютъ. Чай и на чужой сторонѣ по кладбищамъ-то хрещеныя души лежатъ. А что чужая сторона—такъ мнѣ теперь вездѣ чужая сторона. (*Молчаніе*). Вотъ-бы только гдѣ я побывала, охъ, и побывала-бы: въ своей деревнѣ, откуда я родомъ, изъ подъ Алексина. Лѣсочекъ у насъ тамъ есть, дѣвчонкой махонькой по грибы туда бѣгала, вотъ-бы гдѣ я побывала. А больше меня никуда не тянетъ.

Барыня. Ну, вотъ, свою родину-бы провѣдала, въ Алексинѣ съѣздила-бы, а тамъ лѣтомъ ужъ и въ Кіевъ.

Наталья. Охъ, нѣтъ. Это я въ лѣсъ пошла-бы, чтобы меня никто не видалъ. А покажись только домой, вся деревня сбѣжится: „городчанка, городчанка пріѣхала“ и зачнутъ, и зачнутъ... ну ихъ... выкладывай имъ все, о чемъ можетъ и поминать-то не хочется.

Наталья, нянька, барыня и Вася.

Вася (*вбѣгаетъ и бросается Натальѣ на шею*). Наташа, правда ты въ Кіевъ идешь Богу молиться?

Наталья. Иду, мой хуруимчикъ. (*Сажаетъ его къ себѣ на колѣни*). Иду, енаралъ мой хорошій!

Вася. Ты мнѣ что нибудь оттуда принеси. Няня обѣщалась мнѣ колечко принести отъ Троицы, а ты мнѣ просвирку принеси оттуда, и крестикъ: вотъ такой. (*Показываетъ свой крестъ*).

Наталья. Все пришлю, мой красавикъ (*Гладитъ его по головкѣ*.) И образочекъ пришлю, надъ кроваткой повѣсь себѣ тогда, и крестикъ, и ладонку, все пришлю.

Вася. Ты сама принеси, приходи скорѣй.

Наталья. А я, можетъ, мой батюшка, и не вернусь.

Барыня. Какъ такъ не вернусь?

Наталья. Матушка-барыня, простите вы меня. Можетъ я и свинья передъ вами, за всю вашу ласку... хотѣла вамъ съ дороги письмецо прислать, да вотъ андельской душкѣ соврать не могла. (*Цѣлуетъ Васю*).

Барыня. Да что такое?—я не пойму.

Наталья (*смутившись*). Да встѣ въ Тулу-то я ужъ не вернусь. Гдѣ нибудь тамъ останусь, въ монастырь хотѣлось мнѣ, грѣшной, недостойной.

Нянька. Вонъ ты куда, дѣвка, загинаешь!

Барыня. Ну, что ты это, Наташа! Въ двадцать шесть лѣтъ въ монастырь! Богъ знаетъ, что выдумала.

Нянька. Не намъ грѣшнымъ въ монашки итти, нешто намъ умолить? Не то у насъ на умѣ.

Наталья. Вы меня, ради Бога, не сбивайте, самой еще боязно. А и такъ сказать: много тамъ нашей сестры, съ чего нибудь да идутъ! Такъ и я хочу: дойдетъ-ли до Бога моя молитва, нѣтъ-ли, а хочу я потрудиться... Много мнѣ, голубушка моя, барыня, грѣховъ замаливать. Первый грѣхъ: матерю проклѣла, второй грѣхъ изъ петли вынули. Все думала мужа къ себѣ вернуть, а все ни къ чему: „насильно миль не будешь!“
(Утираетъ глаза).

Вася (обнимаетъ ее). Наташа, объ чемъ ты плачешь? Не плачь, душечка, милочка моя!

Наталья (улыбнувшись). Мнѣ тебя жалко, мое золото. Вѣдь, какъ я къ вамъ поступила, вотъ какой ты былъ: (Показываетъ рукой) паучекъ пузатенькій, насилу ножками перебиралъ, путемъ „папа, мама“ сказать не умѣлъ.

Вася. А теперь я вотъ какъ умѣю. (Галопомъ пробѣгаетъ вокругъ и убѣгаетъ въ дверь).

Наталья. Буду я по немъ скучать. Привыкла. (Молчаніе). Такъ вотъ, барынька моя милая, сколько мнѣ грѣховъ-то замаливать. Мать-то меня давно простила—материно сердце. Хошь она у меня и безтолковая старуха, а какъ лежала я больна, она все твердила: „Наташка, ты объ грѣху своемъ не думай, простила тебя мать-то, простила!...“ Ну, а другой грѣхъ не скоро замолишь!

Барыня. Такъ, значитъ, идешь?

Наталья. Иду, матушка, иду. Вотъ она и котомочка моя, вотъ и бахилки—(показываетъ ногу) мягко въ нихъ итти, ногѣ легко. Нынче-то мы не много пройдемъ, только блезиръ сдѣлаемъ такъ, маленько ноги поразмять....

Барыня. Охъ, смотри. Наташа. Ну, я тогда еще зайду проститься. (*Уходитъ*).

Явленіе 5-ое.

Наталья и нянька.

(Наталья сидитъ припорионившись.)

Нянька. Охъ, Наташка, идешь ты, идешь, а сердце у тебя болить.

Наталья. Болить, няня.

Нянька. Наскрозъ тебя вижу.

Наталья. Ну что-жъ!

Нянька. То то, ну что-жъ! А Богу молиться, надо это все бросить. Чтобы ты шла, а тебя не подмывало-бы. Думать не надо.

Наталья. Не буду, няня.

Нянька. Не буду, а у самой слезы на глазахъ.

Наталья. Вотъ увидишь, няня, какъ только выйдемъ за Тулу, съ меня, какъ скорлуха, все соскочить.

Нянька. Ну, то-то, гляди. — (*За сценой шумъ и слышны голоса:* „Тебѣ говорятъ, не велѣно пускать.“ — „Пусти, братецъ, ну, ей Богу, на минутку.“ — „Сказываютъ тебѣ, не приказала барыня тебя пускать!“ — (*Шумъ усиливается, въ кухню врывается Иванъ и дворникъ держащій его за руку*).

Явленіе 6-ое.

Наталья, нянька, Иванъ и дворникъ.

Дворникъ. Будьте свидѣтели, нянюшка, На-

талья Ивановна: не пускалъ, лѣзетъ самъ, нешто съ нимъ сладишь?

Наталья (*быстро отворачивается къ окну*).

Иванъ. Наташа,... я самъ сейчасъ уйду. Мнѣ только слово сказать. (*Дворнику, который продолжаетъ тащить его за рукавъ*). Да нешто ты смѣешь мужа къ женѣ не пускать! Это не по дворницкой части. Ты зналъ-бы себѣ метлу да лопату, вотъ что!—Наташа, а Наташа?

Нянька. Брось, Андрей, ступай себѣ.

Дворникъ. А ежели барыня заругается, тогда кто будетъ виновать?

Нянька. Я отвѣчу—ступай.

Дворникъ. И чортъ его знаетъ кого слушаться! Всякій чортъ распоряжается. И хозяева распоряжаются, и хвартанты распоряжаются, и хвартантова прислуга приказываетъ и всѣхъ чертей слушай. Ну, да мнѣ наплевать! Мнѣ не велѣно было пущать—я не пуцалъ, а пустили—ваше дѣло! (*Уходитъ сердито нахлобучивъ шапку*).

Явленіе 7-ое.

Наталья, Иванъ и нянька.

Нянька. Ну, Ванюшка?..... (*Иванъ молчитъ*). Что новенькаго, аль все старенькое? Съ какими ты къ намъ вѣстями пришелъ?

Наталья (*оборачивается отъ окна*). Няня, уйди, матушка!

Нянька (*покачавъ головой, уходитъ*).

Явленіе 8-ое.

Иванъ и Наталья.

Иванъ. Наташа... какая-же ты стала!... на тебѣ лику нѣтъ!... шибко ты болѣла?.. (*Наталья молчитъ*). Меня не пускали—сколько разъ приходилъ.

Наталья (*съ трудомъ выговаривая*). Напрасно ходилъ—намъ съ тобой дѣлать нечего—раздѣленные мы.....

Иванъ. Привычка, жаль было...

Наталья. Отвыкать надо.

Иванъ. Ты третьего дни приходила... зачѣмъ? (*Наталья молчитъ, потупивъ глаза*).

Иванъ. Ты, говорятъ, Богу молиться идешь?

Наталья. Иду, нынче иду...

Иванъ. А когда вернешься?

Наталья. Не знаю... (*помолчавъ*) можетъ и не вернусь.

Иванъ. Какъ такъ? Куда-же ты дѣнешься?

Наталья. Не знаю, только въ Тулу мнѣ не хотѣлось... Да тебѣ-то что? Радъ будешь съ рукъ долой....

Иванъ. Все-же жена... жалко.

Наталья. Жена!.. похоже, что жена. (*Молчитъ.*)

Иванъ. Наташа, скажи ты мнѣ словечко.... вѣдь я тебя сколько время не видалъ.

Наталья. Говорить намъ съ тобой не о чемъ.

Иванъ (*вертитъ шапку въ рукахъ*). Наташа... давно хочу... спокою мнѣ нѣту... подлець я передъ тобою! (*Закрывается шапкой*) прости ты меня, шибко я тебя обидѣлъ!...

Наталья. Богъ проститъ... всѣ мы грѣшны...

Иванъ. Наташа, ты на меня серчаешь?

Наталья. Что ужъ серчать... иди себѣ, оставайся съ Богомъ!

Иванъ. Наташа, не ходи-ты... ей Богу... жили-бы, жили....

Наталья. Поздно хватился Иванъ Петровичъ! Не муди ты меня... потрудиться хочу для Бога.

Иванъ. Да ты помолись, только назадъ ворочайся. Что тамъ, аль лучше, на чужой сторонѣ?

Наталья. И въ Тулѣ хорошаго мало...

Иванъ. Ну, прощай. (*Хочетъ ее поцѣловать, Наталья уклоняется.*)

Наталья. Къ чему ужъ! Иди къ своей маргалиткѣ! (*)

Иванъ (*громко вздохнувъ, идетъ къ двери*). Можетъ и увидимся?

Наталья. Можетъ быть!

Иванъ (*отворяя дверь*). Прощай.

Наталья. Ваня, вернись на минутку! (*Иванъ удивленно оборачивается. Наталья шаритъ въ карманъ, руки ея трясутся.*)

Наталья. Вотъ, возьми... мальчишкѣ... на зубокъ... на кашу... да не сказывай своей-то...

Иванъ (*наильно обхвативъ ее цѣлуетъ*). Ахъ, Наташка, Наташка, какъ тебя, другъ, забыть! (*Взявъ деньги уходитъ*).

Наталья (*глядитъ въ окно ему въ слѣдъ*). Дворомъ идетъ... калитку отперъ... заперъ... Да хранитъ тебя Богъ, Матушка Пресвятая Богородица... скрылся... вотъ шапка мелькнула... не

(*) Маргаритка. Возлюбленная.

видно стало... Охъ! (*Прислоняется къ притолкѣ*).
Ваня! Ваня! Ваня, другъ мой, Ваня, желанный
мой! Въ послѣдній разъ видѣла!...

Явленіе 9-ое.

Наталья и нянька.

Нянька. Такъ и есть, такъ и знала! „Ваня
другъ мой!“ а Ваня, другъ мой, виль хвостомъ,
да и горя ему мало.

Наталья. Нянюшка, матушка, не бранись, пе-
реплачу, легче будетъ! (*Идетъ къ постели и пря-
четъ лицо въ подушки*).

Нянька. Теперь я тебя погонять буду, а то
ты меня бросишь, за Ванькой увяжешься. Вотъ,
я вѣдь совсѣмъ готова, и куртушку теплую на-
дѣла. Теперь только катомку на спину и съ
Богомъ.

Наталья (*поднимаясь съ подушки*). Что-же, няня,
за мной дѣло не станетъ. Не брошу я тебя, это
я такъ... сама ты говорила,—хворь еще во мнѣ.

Нянька. Въ сумку все поклала?

Наталья. Все, няня. Вотъ тутъ сухари, чай,
сахаръ. А въ катомкѣ рубахи, платокъ, поло-
тенце. Все собрала. Деньги на хресту.

Нянька (*надѣвая катомку на плечи*). Ну, опу-
киривайся. (*) Матерю твою, должно, ждать не-
чего. Мы къ ней зайдемъ по пути). (*Одѣваются,
входитъ Авдотья*).

(*) Одѣвайся.

Явленіе 10-ое.

Нянька, Наталья и Авдотья.

Авдотья. О—у! доченька-то моя ужъ снаряжается! Иди, моя доченька, иди, моя родимая, помолись Богу-то, помолись, помолись и за матерю-то, за грѣшницу, за старую! Да деньги-то, деньги-то, пуще всего, не потеряй, не оброни, смотри, дѣвка! Всякій народъ ходитъ, кто Богу молиться, а кто воровать! Кружку-то, кружку прицѣпи, водицы гдѣ испить! Нянюшка, матушка, ты ей не давай шибко бѣжать-то, а то она, пожалуй, сразу махнетъ.

Нянька. Со мной не махнетъ, пока-то, пока я свои ноги старыя передвину...

Авдотья. А проваленный-то, песъ-то, Ванька-то былъ, знать, здѣся? А? Былъ? Приходилъ? Чтобъ его распередернуло!

Нянька. Аль ты его встрѣла?

Авдотья. Да какъ же! Бѣгу проулкомъ, языкъ высунула, двошу черезъ силу, а онъ мнѣ *разъ* изъ за угла на встрѣчу, съ ногъ было сшибъ. „Здравствуй, говоритъ, мать“, а самъ скучный, тусмный, не глядитъ....

Наталья, (вспыливъ). Да перестанешь ты, языкъ то чесать! Вотъ охота тебѣ!

Авдотья. О-у! да ты, доченька по старому загибаешь! Аль поздоровѣла, я что-то давно твоего голосу не слыхала?

Нянька. Ну васъ къ Богу—это вы на прощанье-то!

Наталья. Ну, теперъ совсѣмъ. Съ барыней проститься и съ Богомъ. Пойдемъ, няня.

Нянѣка. Пойдемъ, дитятко. Вотъ онѣ и наши палочки въ уголку. (*Берутъ палки*).

Наталья. Прощай, мать! (*Цѣлуются*).

Авдотья. А ты поскорѣй, дѣвка, ворочайся; знаешь, доченька, мать то всѣ глазунки проглядитъ, тебя дожидаячи. (*Всхлипываетъ, утирая глаза фартукомъ*).

Наталья. Идешь на мѣсяць, а пробудешь можетъ и годъ. Кто знаетъ, когда вернуся, я тебѣ тогда изъ Кіева письмо пришлю.

Авдотья. Скорѣй прилетай, моя касатунка, одна ты у меня на бѣломъ свѣтѣ осталась.

Наталья (*падаетъ матери въ ноги*). Благослови меня, мамунка, прости меня, родимая, много я тебя огорчала.

Авдотья. Благослови тебя Господи, пошли тебѣ Господи.

(ЗАНАВѢСЪ).

Г У Л А.
октябръ.
1891 г.

Опечатки.

„Насильно милъ не будешь“.

Напечатано.

Слѣдуетъ читать.

СТРАН. СТРОКА СВЕРХУ.

30	29	онъ	Онъ
35	32	мачихи	мачихи!
50	1	говаришь	говаришь:

Филюшка сынокъ.

Напечатано.

Слѣдуетъ читать.

СТРАН. СТРОКА СВЕРХУ.

2	11	никаго	никого
16	26	щебеталъ	щебеталъ,
17	20	Эхъ! и	Эхъ! и:
19	25	покалѣть	поколѣть
26	15	со мной	со мной!
28	7	поцалую	поцалую.
45	26	ключи	ключа
53	3	Филька	Филька!

Того-же автора „Бабья доля“. См. Отеч. Зап.
VII книжка 1880 г.

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

**Москва, Страстной бульваръ, домъ Адельгейма,
контора „Театрала“.**

Тула, книжный магазинъ С. И. Бѣлобородовой.